

41

ИЗВЕСТИЯ

ISSN 0134-2428

ISSN 0233-7606

СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

серия **ЭКОНОМИКА**

И ПРИКЛАДНАЯ

СОЦИОЛОГИЯ

1 выпуск

1/1987

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР

Главный редактор журнала чл.-кор. АН СССР *М. Ф. Жуков*

Заместитель главного редактора чл.-кор. АН СССР *В. Г. Дулов*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЭКОНОМИКИ И ПРИКЛАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ:

Ответственный редактор серии акад. *Т. И. Заславская*

Д-р экон. наук *М. К. Бандман* (зам. отв. редактора), канд филос. наук *Л. Г. Борисова*, д-р экон. наук *Ф. М. Бородкин*, канд экон. наук *В. И. Герчиков*, чл.-кор. АН СССР *А. Г. Гранберг*, д-р экон. наук *К. Т. Джурабаев*, канд экон. наук *В. А. Калмык*, д-р экон. наук *Р. Г. Карагедов*, д-р экон. наук *В. В. Кулешов* (зам. отв. редактора), д-р экон. наук *Б. П. Орлов*, канд экон. наук *А. И. Шапошников* (отв. секретарь), д-р экон. наук *Р. И. Шнипер*

Адрес редакции: 630099, Новосибирск, 99, ул. Советская, 18, комн. 331. Тел. 22-00-44

ригун
Г. Г. Рудакова
Бурлаченко
Г. И. Шведкина

АН-02002. Формат 70x108 1/16. Высота
и л. 7. Тираж 2988 экз. Заказ № 428.

на, Сибирское отделение, 630099, Ново-
и, 18.
осибирск, 77, Станиславского, 25.

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ ЭКОНОМИКИ И ПРИКЛАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Год основания журнала 1957	Периодичность журнала 21 номер в год	№ 1(430)	Январь
Год основания серии 1984	Периодичность серии 3 выпуска в год	Вып. 1	1987

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- А. А. Аузан*. Ленинская идея повышения роли потребителей в плановом хозяйстве 3
- Е. М. Бухвальд, В. А. Погребинская*. Социально-экономические факторы интенсификации общественного труда 12
- Г. И. Ханин*. В поисках более точных экономических оценок (из истории советской экономической науки второй половины 30-х и 40-х годов) 21

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ

- И. В. Воробьев, В. А. Ёриг, Г. И. Фильшин, А. Я. Якобсон*. Проблемы социально-экономического развития городов в связи с размещением производства (на примере Иркутской области) 29
- Л. П. Фукс*. Вопросы совершенствования структуры сети городов Западной Сибири 38
- В. И. Бугроменко*. Каким быть административному району? 49

РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ СИБИРИ

- В. И. Власов, Е. А. Варшавский*. Проблемы управления процессом формирования Южно-Якутского территориально-производственного комплекса 56

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

- А. А. Горельский*. Исследование проблем совершенствования форм участия трудящихся в организации стимулирования труда в условиях БФОТ 65

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

- A. A. Auzan. Lenin's Idea on the Raising the Consumers Role in the Planned Economy 3
 E. M. Bukhvald, V. A. Pogrebinskaya. Social-Economic Factors of Labour Intensification 12
 G. I. Khanin. In a Search for the More Precise Economic Estimations (on the History of the Soviet Economic Science in the Second Half of the 30 ies and the 40 ies) 21

SOCIAL DEVELOPMENT OF SIBERIA

- N. V. Vorobiov, V. A. Yorsh, G. I. Filshin, A. Ya. Yakobson. The Problems of Social and Economic Development of the Cities due to the Location of Production (the Case of the Irkutsk Territory) 29
 L. P. Fux. The Questions of Improving the City-Network of Western Siberia 38
 V. N. Bugromenko. The Administrative Region: What It Must Be Like? 49

DEVELOPMENT OF THE SIBERIAN PRODUCTIVE FORCES

- V. I. Vlasov, E. A. Varshavsky. Problems of Managing the Southern-Yakutsk TPC Formation Process 56

SOCIAL FACTORS OF ECONOMIC GROWTH

- A. A. Gorelsky. Improving the Forms of Workers Participation in Managing the Production 65

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

А. А. АУЗАН

ЛЕНИНСКАЯ ИДЕЯ ПОВЫШЕНИЯ РОЛИ
 ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ПЛАНОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Общая задача комплексного совершенствования социалистических производственных отношений, кардинальной перестройки хозяйственного механизма предполагает решение ряда проблем в организации взаимодействия производства с конечным потреблением. Видимо, не будет преувеличением сказать, что именно на этом участке накопилось больше всего проблем нерешенных и, на первый взгляд, трудно разрешимых.

Для достижения реальных сдвигов в этой области хозяйственной жизни необходимо применение целого комплекса многообразных средств (не только товарно-денежных, но и плановых). Одно из таких средств — организующее воздействие на экономику со стороны самих конечных потребителей. Это возможное направление совершенствования хозяйственного механизма, как правило, оказывается за гранью экономических исследований, в результате многие нужные и полезные мероприятия страдают неполнотой, непоследовательностью и не дают предполагаемого эффекта.

XXVII съезд КПСС принял курс на развитие социалистического самоуправления¹, в том числе и в экономической области². Экономическое самоуправление отнюдь не ограничивается сферой непосредственного производства: еще В. И. Ленин отмечал перспективы единого потребительского кооператива в сфере снабжения и распределения³. Однако применение этой идеи (разбор которой будет дан ниже) к современной экономике требует отчетливого понимания проблем нынешнего этапа планового хозяйствования.

В массовой печати и в специальной экономической литературе не раз обращалось внимание на такие факты, как затоваривание ряда продуктов при растущем отложенном спросе населения. Такие факты свидетельствуют о серьезных сбоях планового механизма и торговли, которые неизбежно сказываются на всех сферах хозяйственной жизни.

Фактически во всех социалистических странах детальное и эффективное планирование хозяйственных процессов обрывается на оптовом сбыте готовой продукции. Далее располагается неопределенная и трудноуправляемая сфера розничного оборота. В этот «бермудский треугольник» экономической системы организованное производство и снабжение выталкивают возрастающую массу товаров, которая по структуре и объемам далеко не всегда находит адресата. В итоге растут диспропорции времени производства и времени обращения, критическое состояние торговли проявляется в негативной динамике целого ряда статистических и социальных показателей⁴.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат, 1986. — С. 54, 159 и др.

² Там же. — С. 39.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 11. — С. 369—370; Т. 36. — С. 161—162, 205—206 и др.

⁴ См.: Вондаренко В. Фактор времени // Экон. газета. — 1983. — № 15. — С. 15.

Для того, чтобы найти пути решения поставленной проблемы, попытаемся более подробно рассмотреть функции планового механизма в данной сфере, методы их реализации и возникающие препятствия.

Первой из таких функций выступает выявление и учет спроса населения и действительных потребностей. XXVII съезд КПСС наметил определенные перестройки, которые должны помочь наладить учет спроса и потребностей: развитие фирменной торговли⁶, сближающей производителя и потребителя; совершенствование договорных связей легкой промышленности и торговли, которая должна взять на себя ответственность за учет спроса⁶; совершенствование системы изучения и прогнозирования спроса⁷. Фактически речь идет о создании в перспективе общегосударственной системы изучения, прогнозирования и формирования спроса и потребностей населения. Однако возможности такой системы не должны быть ограничены обособлением ее от самого «населения», т. е. огромной массы конечных потребителей.

Сейчас конечное потребление не выступает непосредственным источником планирования. Разрозненность конечных потребителей при их массовости не позволяет «подключить» конечных потребителей к плановому механизму организованного производства и снабжения, не позволяет выразить потребительские запросы в непосредственно плановом порядке. Между тем, фактически каждый практикует для себя «самопланирование» (например, по предметам длительного пользования). Однако для сведения таких «планов» в единый план-заказ необходим определенный организационный механизм.

Рассмотрим другую функцию планового механизма в данной сфере — ориентацию производства на зафиксированные планом цели в области потребления. Не секрет, что план производства, производственная программа, сами по себе не гарантируют четкого исполнения планового ассортимента. В погоне за прибылью или объемом реализации предприятия идут на «вымывание товаров дешевого ассортимента», вступая в противоречие с ассортиментной и ценовой политикой центральных хозяйственных органов.

Тот факт, что предприятия идут на нарушение планового ассортимента из-за стремления к более высокой цене, дает основание некоторым экономистам считать, что кардинальным средством решения названных проблем может быть ослабление государственной таксации потребительских цен, допущение их барометрических колебаний под воздействием «голосующих» деньгами конечных потребителей.

В литературе не раз критиковалось приращение тезиса о «суверенности» «голосующих» деньгами потребителей к современной экономике. Известный специалист в области ценообразования, венгерский экономист Б. Чикош-Надь писал о том, что устранение государственного контроля за ценами на продукцию социалистических предприятий может повести к образованию монопольных цен на основе крупного производства⁸. Наконец, опыт свободного ценообразования в ЧССР в 1968 г. и на первом этапе хозяйственной реформы в ПНР в 1981—1982 гг. показал, что «высвобождение» цен от государственного контроля ведет к их общему росту под давлением предприятий, а отнюдь не к удовлетворению потребительских запросов. Диктат производства в отношении цен или ассортимента потребительской продукции становится возможным именно благодаря тому, что организованное массовое производство противопоставлено неорганизованному массовому потреблению. Поэтому использование средств ценового регулирования (например, ступенчатых цен) требует известных организационных предпосылок.

⁶ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — С. 36.

⁶ Там же.

⁷ Там же. — С. 302.

⁸ Чикош-Надь Б. Ценообразование и политика цен. — М.: Экономика, 1959.

Объединения конечных потребителей могут дать им организационные средства для воздействия на производство и контроля за ним (например, через механизм договорной дисциплины поставок в том случае, если непосредственным контрагентом будут выступать организации конечных потребителей). Идея организации потребителей как основы их контроля над ассортиментом, качеством и другими параметрами производства была сформулирована, в частности, Председателем Госстандарта СССР⁹.

Недостатки существующей системы контроля связаны прежде всего с ее ведомственным характером, подчинением органов контроля ведомственному интересу, их заинтересованностью в формальном выполнении производственного плана. В то же время расширение вневедомственного контроля должно опираться на экономическую заинтересованность в точности и эффективности такого контроля, которая, несомненно, есть у самих потребителей.

Еще одна функция планового механизма — функция распределения готовой продукции потребительского назначения, доведения ее до конечных потребителей. В ходе реализации этой функции возникают специфические проблемы, которые нередко затемняют действительные результаты производства потребительской продукции. Так, дефицитность ряда продуктов потребительского назначения преувеличивается, так как эти продукты фактически наличествуют в сфере потребления, хотя и отсутствуют в государственной торговле, т. е. добираются до конечных потребителей иными, непредусмотренными плановыми органами путями.

Почва для произрастания спекуляции, хищений, использования служебного положения в корыстных целях создается не только недостаточным уровнем производства и удовлетворения потребительских запросов, но и отсутствием объединения конечных потребителей, затрудняющим реализацию их общих интересов и борьбу со спекуляцией даже в том случае, когда потребительские продукты произведены в достаточном количестве. Сохранение элементов конкуренции потребителей проявляется в самом факте спекуляции, когда потребитель переплачивает за дефицитный товар, перебивая его тем самым у других претендентов. Со времени ноябрьского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС сделаны весьма существенные шаги в развитии государственного контроля за снабжением и распределением, однако было бы, видимо, целесообразно дополнить этот централизованный контроль «сверху» массовым и заинтересованным контролем объединенных потребителей «снизу».

Рассмотрение препятствий функционированию планового механизма в сфере связи производства с конечным потреблением приводит нас к выводу о том, что нормальному планомерному течению хозяйственных процессов в данной сфере мешает более всего существующее состояние сферы конечного потребления. Стихийность, неорганизованность и даже конкурентность этой сферы находится в очевидном, вопиющем противоречии с общими основами планового, ассоциированного хозяйства.

Наличную общественную форму потребления нельзя преобразовать путем простого декретирования единой потребительской организации, так как действительная задача состоит в том, чтобы оформить необходимо вызревающую реальную связь между потребителями. В то же время без централизованной государственной поддержки элементы самоорганизации потребителей обречены на то, чтобы оставаться дикорастущими злаками или даже экономическими сорняками.

В этой связи уместно напомнить известную мысль Ф. Энгельса о том, что средства решения существующих проблем, как правило, уже даны действительностью, наличествуют в ней; и дело заключается в том, чтобы увидеть, правильно понять и использовать их. Поскольку необходимость объединения потребителей вытекает из наличных противоречий (малочувствительности крупного производства и организованного сбыта к по-

⁹ Массовая организация потребителей нужна! (Интервью с Председателем Госстандарта СССР) // Лит. газета. — 1969. — № 33.

ребителским запросам прежде всего), постольку потребители объективно вынуждены объединяться, и элементы таких стихийно возникающих объединений можно обнаружить в нашей действительности. Уже сама очередь в магазине становится зародышевой формой организации потребителей в том случае, если она реализует нормирование продажи дефицитных товаров в одни руки, устанавливает принцип очередности и следит за его соблюдением (установление порядковых номеров, регистрация и т. д.). Элементы организации потребителей возникают также в процессе доставки и распределения продовольственных заказов. Еще более сложную организационную форму можно проследить в автобусных экскурсиях в крупные городские центры, организуемых профкомами для трудящихся периферийных городов и населенных пунктов: в таких экскурсиях культурные цели сочетаются с решением задач снабжения дефицитными товарами.

Ростки потребительских организаций, стремящихся наладить адресное, позаказное снабжение своих членов, возникают в разнообразных общественных, кооперативных и государственных объединениях. В качестве примеров можно привести деятельность обществ любителей книги, снабжение саженцами членов садовых кооперативов, «адресное» производство продуктов питания в подсобных хозяйствах промышленных предприятий в системе Мпавтопрома.

Возникающие формы весьма многообразны, некоторые из них несут на себе отпечаток временных трудностей, дефицита продуктов и т. д. Вместе с тем, необходимо увидеть в каждой из этих форм слабый, неразвитый, но реальный и объективный элемент самоуправления потребителей. Значение кооперации потребителей как звена самоуправления отмечалось на XXVII съезде КПСС. В Политическом докладе ЦК говорилось о возможности образования новых объединений на кооперативных началах, которые позволили бы использовать самостоятельность трудящихся для лучшей организации обслуживания¹⁰.

Разумеется, стихийно возникающие формы организации потребителей отнюдь не являются автоматически готовыми формами планового социалистического хозяйства; в настоящем своем состоянии они могут даже противоречить плановому характеру хозяйствования, создавать некоторые дополнительные препятствия его нормальной реализации. Однако здесь важно определить сущность данных стихийно возникающих форм, перспективу их развития, исходя из чего можно наладить их использование в интересах народного хозяйства.

Так, организованное самоснабжение через экскурсии в крупные города может быть квалифицировано как простейший вид «потребительского общества» и имеет аналоги в экономической истории ряда стран, в том числе и нашей страны: в 1864 г. рабочие Кыновского завода Пермской губернии, испытывая недостаток в некоторых продуктах и борясь со спекулятивными ценами на них, организовались и послали своих товарищей в Москву для совместной закупки необходимых продуктов. Этот факт основания первого рабочего потребительского кооператива считается началом потребительского движения в России¹¹. Впоследствии не раз наблюдались волны стихийного самозарождения потребительских обществ, в том числе и после социалистической революции — так называемые «добровольные кооперативные объединения» потребителей в начале 20-х годов¹².

В аналогии хозяйственных процессов столь различных периодов (и даже различных способов производства) нет ничего удивительного, если даже, что необходимость потребительских обществ порождается исторически противоречиями товарного обращения при известном уровне концентрации производства и сбыта, а товарное обращение представляет собой,

¹⁰ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза — С. 42, 49, 162.

¹¹ См.: Меркулова А. С. История потребительской кооперации. — М.: Экономика, 1970. — С. 11.

¹² См.: Там же. — С. 47.

как известно, не порождение социализма, а запечатанное отношение досоциалистических эпох. Выделенная аналогия позволяет обратиться к богатому историческому опыту существования и развития потребительских обществ. Такой опыт дает возможность увидеть в наиболее развитых видах потребительских обществ форму, потенциально адекватную плановому ассоциированному хозяйству.

В политико-экономической литературе социалистическое общество нередко определяется как «единый работник», «единый организатор», «единый потребитель». Всем этим абстрактным определениям должны отвечать соответствующие конкретные формы организации людей в хозяйственной жизни.

Ленин, в частности, использовал более конкретное понятие социализма как «единого потребительского кооператива», дающее ключ к познанию действительных форм организации общества как «единого потребителя». Главным в ленинском определении является момент действительной организационной связи между потребителями, а не кооперативная форма собственности, которая вообще является проходящей формой существования потребительских обществ.

Вывод о перспективном значении потребительских обществ для коммунистического способа производства содержится в ленинском плане создания «единого потребительского общества», системы потребительских обществ, образующих «единый, сверху донизу, охватывающий всю Советскую республику, кооператив»¹³. Этот теоретически подробно разработанный и обоснованный план незаслуженно обойден вниманием в современных экономических исследованиях.

Изложенный в ряде ленинских статей, выступлений и рукописей, этот план может быть сведен к нескольким основным пунктам.

1. Потребительские общества рассматриваются как средство планомерного контроля над снабжением и распределением: «...массовые организации, способные облегчить переход к массовому учету и контролю распределения продуктов; — потребительские общества»¹⁴.

2. Всеобщее объединение трудящихся в потребительские кооперативы создает принципиально новый аппарат снабжения: «Мы..., — писал Ленин, — объявили государственной задачей переход кооперации к действительному обслуживанию трудящихся масс с тем, чтобы кооперация охватывала все население...»¹⁵. «Кооперативный аппарат есть аппарат снабжения, рассчитанный не на частную инициативу капиталистов, а на массовое участие самих трудящихся...»¹⁶. Кардинальная особенность нового аппарата снабжения — наличие организационной связи с массой потребителей.

3. Следующий этап предполагает объединение потребительских обществ в масштабе страны, ликвидацию социальных и ведомственных барьеров внутри него и действительное участие масс в управлении снабжением. Такое объединение оказывается, между прочим, «важнейшим фактором борьбы против бюрократизма»¹⁷.

Применяя современную терминологию, можно сказать, что Ленин видел в потребительских обществах перспективу самоуправления народа в одной из весьма важных сфер экономической жизни.

4. В дискуссиях о проекте единого потребительского общества Ленин отстаивал территориальный принцип организации потребителей без всяких социальных различий. В частности, он резко выступил против идеи закрытого распределения по социальному признаку, обосновывая свои возражения с общетеоретических позиций: «...общество как в смысле снабжения, так и в смысле распределения должно представлять собой

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 36. — С. 161—162; Т. 37. — С. 230, 413—414; Т. 38. — С. 99—100.

¹⁴ Там же. — Т. 36. — С. 185—186.

¹⁵ Там же. — Т. 40. — С. 102.

¹⁶ Там же. — Т. 37. — С. 230.

¹⁷ Там же. — Т. 40. — С. 103.

один общий кооператив... Капитализм умышленно разъединял слои населения. Это разъединение должно исчезнуть окончательно и бесповоротно, и всё общество должно превратиться в единый кооператив трудящихся»¹⁸. Территориальный принцип организации имеет целью приблизить ее к массе потребителей и обеспечить большую самостоятельность от производственной администрации. Недопущение «закрытой» кооперации направлено на обеспечение равного и открытого доступа к потребительским благам как условия массового контроля над их распределением.

Мы оставляем в стороне некоторые технические детали ленинского плана единого потребительского общества («потребительские книжки», взаимодействие с другими видами кооперации и т. д.), однако в целом план был достаточно конкретизирован для практического проведения и положил начало серии соответствующих экспериментов.

Встает естественный вопрос — почему эти эксперименты не привели к созданию единого потребительского общества, почему они были прерваны до достижения такого исторического итога? Без ответа на такой вопрос невозможно выработка практических рекомендаций для современного этапа развития социализма, поэтому попытаемся кратко проанализировать негативные и позитивные результаты экспериментов 20-х годов.

Первый этап эксперимента (1918—1921 гг.) несет на себе заметный отпечаток условий и задач «военного коммунизма». По декрету СНК от 40 апреля 1918 г. потребительским кооперативам вменяется обслуживание на условиях нормированного распределения всего населения по территориальному признаку, но при разделении рабочей и «общегражданской» (буржуазной) кооперации. Декрет СНК от 16 марта 1919 г. «О потребительских коммунах» провозглашает создание единого рабоче-крестьянского потребительского общества (ЕПО): вводится обязательное всеобщее членство в потребительских обществах при отмене платности (вступительных и паевых взносов); устраняются все иные аппараты снабжения, рабочая и общегражданская кооперация объединяются; распределение осуществляется по «классовому паюку».

Таковы юридические контуры созданной системы ЕПО, внутри которой развивались специфические экономические противоречия. Один полюс — низкий уровень наличного производства потребительских благ и сохранение классовых отношений — диктовал нормированный характер распределения, и притом по классовому принципу. Другой полюс — всеобщая ассоциация потребителей — требовал единого планомерного хозяйствования в снабжении и распределении при участии самых широких масс. Столкновение этих полюсов рождало две негативные тенденции внутри системы ЕПО: тенденцию к закрытому классовому распределению, нарушавшему единство системы, и тенденцию к ослаблению связи с массами в результате бестоварья, сводившего к нулю возможности управления жестко нормированным снабжением.

В итоге система ЕПО приходит в кризисное состояние и декретами 1921 и 1923 гг. постепенно ликвидируется. Однако жизнеспособность самой идеи потребительских ассоциаций была подтверждена самозарождением внутри гибнущей системы ЕПО «добровольных потребительских объединений», хозяйствовавших на основе взносов и «целевых авансов» на закупку определенных товаров¹⁹. Поэтому эксперимент вступает в новую фазу.

На этой фазе (1923—1928 гг.) была учтена необходимость использования товарных отношений в потребительской кооперации. На это обстоятельство обращают внимание все без исключения исследователи потребительской кооперации, упуская, однако, из виду другое: по Ленину действительная социалистическая перспектива «торгующих» потребительских обществ предполагает сохранение реальной организационной связи с ко-

печными потребителями. Указывая на необходимость торговли и доходов на паи, Ленин добавляет: «Члены кооперации — все. Это нам надо для будущего»²⁰.

В целом развитие потребительских обществ в 1923—1928 гг. шло весьма успешно, однако не без известных скрытых противоречий.

Свободный рынок ориентирует производство и сбыт на платежеспособный спрос, т. е. на потребности наиболее высокодоходных групп населения. При этом свободная цена нередко отсекает наименее платежеспособных потребителей от некоторых товаров, в том числе и насущно необходимых. В такой ситуации распределения фактически скрывается классовый принцип распределения, противоречащий характеру социалистических отношений. Формой разрешения этого противоречия в условиях НЭПа стало закрытое распределение (закрытые столовые для детей рабочих и т. д.). В закрытом распределении своеобразно отражаются закономерности товарного распределения — отражаются зеркально обратным образом: оно изолировано от всей системы обращения и осуществляется обратно пропорционально доходам по монополюно низким ценам.

Закрытое распределение — необходимый продукт взаимодействия свободной торговли с социалистическими отношениями, однако оно относительно разрешает данное противоречие обратным применением того же метода: нарушением свободного доступа к потребительским благам. Отсюда вытекает возможность центробежных тенденций в системе потребительских обществ, социальной дифференциации их. Против таких тенденций было направлено специальное постановление ЦК РКП, принятое в начале данного этапа (в июле 1922 г.) по инициативе Ленина.

В целом соблюдение положенных в основу эксперимента ленинских принципов единства потребительских обществ (открытого доступа в них) и сохранения организационной связи с массами позволило добиться существенных успехов в развитии.

Два результата этой фазы представляются особенно примечательными: 1) к 1929 г. потребительские общества объединяли почти все взрослое население городов (в деревне — 90% дворов²¹); 2) развитие системы потребительских обществ параллельно развитию синдицирования промышленных трестов позволило наладить прямую связь синдикатской системы с потребителями (их кооперативами)²².

Однако следующая фаза в развитии потребительских обществ привела к размыванию уже созданной системы. Почему? Первый толчок этому был дан «кризисом снабжения» и возобновлением карточной системы в 1928—1929 гг. Тем не менее само по себе это не могло повести к ликвидации потребительских обществ, хотя и осложняло их функционирование по тем же причинам, как и во времена «военного коммунизма». Противоречия, разложившие систему потребительских обществ, коренятся в самом способе использования аппарата потребительских обществ.

В соответствии с решениями II съезда потребкооперации СССР совершился поворот от территориального принципа организации потребительских обществ к производственному принципу. Тем самым потребительские общества оказались в зависимости от администрации соответствующих предприятий, которая использовала их как инструмент стимулирования: ударники производства получили предпочтительное право пользования их обслуживанием²³. Стимулирующее значение таких мероприятий в условиях продовольственных трудностей начала 30-х годов несомненно, однако позднее произошло перерождение потребительских обществ в органы государственного закрытого распределения.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 54.

²¹ См.: Бланк Г. Я. Основы теории и истории потребительской кооперации. — М.: Центросоюз, 1963. — С. 112.

²² См.: Рубин А. М. Организация управления промышленностью в СССР (1917—1967 гг.). — М.: Экономика, 1969. — С. 75—76.

²³ См.: Бланк Г. Я. Основы теории и истории... — С. 142.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 37. — С. 346.

²⁰ См.: Морозов А. В. От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. — М.: Мысль, 1969. — С. 166.

С 1930 г. началось обособление от системы потребкооперации закрытых распределителей (ЗР) и закрытых рабочих кооперативов (ЗРК). Для еще более тесной увязки снабжения рабочих с выполнением производственных планов в конце 1932 г. было принято решение о преобразовании ЗРК в отделы рабочего снабжения (ОРСы). Это решение отражало фактическое положение дел: распределители превратились в органы ведомственного хозяйствования, в которых элемент самоуправления потребителей перестал играть сколько-нибудь существенное значение.

Другое направление перерождения потребительских обществ было связано с развитием коммерческой торговли по монополю высокими ценам (для обслуживания высокооплачиваемых рабочих, «спецов» и нетрудовых элементов). В формах коммерческой торговли организационная связь с потребителями фактически разрывалась, заменяясь связью через цену, монополю регулируемую государством. По своему характеру коммерческая торговля представляет собой обратную сторону системы государственного закрытого распределения, компенсирующую существование последней.

Исследовавший эти процессы Г. Я. Бланк пишет, что «по мере развития ОРСов государственная торговля стала занимать значительно больший удельный вес в общем товарообороте государственной и кооперативной торговли»²⁴. Если в 1928 г. удельный вес потребительских обществ в розничном обороте составлял 79%, то в результате происшедших органических изменений к 1935 г. он снизился до 40% (в городах — до 30,2%).

Поэтому при переходе к «нормальным условиям торговли» возобладала государственная торговля, а потребительские общества были по решению СНК от 29 сентября 1935 г. ликвидированы в городах и сосредоточены в деревне как вспомогательная сила молодого колхозного строя.

Это кардинальное решение отражало действительные результаты периода 1928—1935 гг. и имело веские основания с точки зрения конкретных экономических условий середины 30-х годов, которые, однако, не следует абсолютизировать, превращая нужду в добродетель, временную необходимость — в закономерность общей эволюции потребительских объединений.

Дальнейшее развитие системы Центросоюза, ориентированное на потребности аграрного сектора, привело к преимущественному развитию сбытоснабженческих и заготовительных функций, т. е. по сути не потребителем, а сбытоснабженческой кооперации. Необходимость такого аппарата несомненна, более того, он может сыграть решающую роль в развитии личного подсобного хозяйства и индивидуализированных форм производства на заказ при централизованном снабжении. Вместе с тем, вопрос о необходимости всеобщих потребительских обществ для плановой экономики остается пока открытым. Обстоятельства, которые помешали свободному развитию единого потребительского общества, в принципе не характерны для современного этапа развития социализма, когда необходимость единого потребительского общества не только сохраняется, но и нарастает.

Глубинной основой устойчивости потребительских обществ является соблюдение немногих основных принципов. Прежде всего — открытого доступа к потребительским благам, не перерезанного высокой или закрытым распределением; самостоятельности масс в управлении снабжением, не ограниченной бестоуарьем или вмешательством производственной администрации.

Представляется предпочтительным территориальный принцип организации потребительских обществ при добровольном характере их образования и свободном доступе в них. Принудительное форсирование объединения потребителей вряд ли целесообразно, хотя вполне возможно стимулировать такой процесс.

Основой деятельности потребительских объединений могут быть целевые авансы на приобретение определенных (прежде всего дефицитных) продуктов. Возможно создание специализированных потребительских обществ по видам (комплексам) продуктов. Такой опыт есть в современных развитых капиталистических странах (например, потребительский кооператив автовладельцев в Швеции). Основным стимулом объединения должна быть гарантированность снабжения, но может использоваться также некоторое различие в ценах для членов и нечленов общества (как это было в 1918 г. в Советской России).

Превращение потребительских обществ в надежный источник плановой информации о потребностях предполагает развитие в этой области встречного планирования, — составление потребительского сводного заказа, который в скорректированном виде может включаться в государственный план. Финансовым обеспечением такого встречного плана-заказа могут быть целевые авансы потребителей. Дополнительной гарантией плана могут стать договоры о поставках, заключенные потребительскими обществами и подкрепленные не только финансовыми санкциями, но и массовым контролем со стороны организационных потребителей по всей линии производства, снабжения и распределения.

Сейчас можно говорить только об общих принципах и контурах «единого потребительского общества», исходя из ленинских идей и некоторого опыта их развития в предшествующие этапы социалистического строительства. Возможно, эти формы в современной экономике окажутся во многом иными. Тем более трудно предсказать конкретную организацию новых элементов, таких, как встречное планирование в потребительских обществах, хотя способность трудящихся к самостоятельному планированию подтверждена опытом планирования производства.

Более конкретные формы могут быть открыты только в результате широкого обсуждения проблем и соответствующих практических экспериментов. Вместе с тем, проведенный анализ делает вполне ясным одно: необходимость и целесообразность развития потребительских организаций в современной плановой социалистической экономике. Превращение их в органическую часть нашего хозяйственного механизма может стать средством повышения роли потребителя и налаживания действительно эффективной плановой связи производства и конечного потребления.

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

²⁴ Там же.

Е. М. БУХВАЛЬД, В. А. ПОГРЕБИНСКАЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА

В новой редакции Программы КПСС подчеркивается, что в ближайшей перспективе советской экономике «предстоит осуществить крутой поворот к интенсификации производства, переориентировать каждое предприятие, каждую отрасль на полное и первоочередное использование качественных факторов экономического роста»¹. В числе «слагаемых» становления преимущественно интенсивного типа общественного производства значительная роль принадлежит интенсификации общественного труда. Рассмотренные в данной статье условия и стимулы интенсификации общественного труда при социализме относятся к социально-экономическим факторам становления преимущественно интенсивного типа производства, так как наряду с известными объективными посылами они реализуются через систему интересов и потребностей индивидов — работников социалистического общества.

Вопрос о сущности, роли и количественной мере интенсификации (т. е. роста интенсивности) труда работников вызывает дискуссии в советской экономической литературе. Наиболее спорны вопросы взаимосвязи интенсивности труда и его производительности с ростом интенсификации и повышением эффективности общественного производства в целом и соответственно мнения о том, каковы общие закономерности и границы интенсивности труда работников при социализме.

Началась эта дискуссия еще в 20-е годы, когда в экономической литературе активно обсуждались вопросы роли и границ интенсивности труда в обеспечении высоких темпов развития социалистической экономики. Принципиальным сторонником установки на повышение интенсивности труда выступил известный ученый К. А. Гастев, который рассматривал данную проблему в связи с необоснованностью планирования заведомо низких темпов роста советской экономики и поиском резервов ускорения этих темпов. Опираясь на развитие таких факторов, как улучшение материальных условий труда и форм его организации, К. А. Гастев считал рост интенсивности труда необходимой предпосылкой роста производительности труда и ускорения темпов экономического развития.

Против позиции К. А. Гастева выступили те ученые (в частности, О. А. Ерманский), которые считали возможным достижение высокой производительности труда без его интенсификации. Они полагали, что у капиталистического хозяйства следует перенимать лишь технические новшества, отказываясь «по социальным соображениям» от сопутствующих этим новшествам достижений в области организации труда и повышении его интенсификации². Народно-хозяйственная практика первых пятилеток решила спор между этими научными направлениями в пользу рассмотрения интенсивности труда как самостоятельного фактора производи-

тельности труда наряду с ростом его технической вооруженности³.

В последующем, однако, среди советских экономистов не сформировалось единого взгляда на проблему интенсивности труда и в первую очередь на закономерности ее изменения в условиях технического прогресса в производстве. В социально-экономических исследованиях, как и в практике народнохозяйственного управления, не получила должного отражения органическая связь интенсивности с интенсификацией общественного производства в целом, с научно-техническим прогрессом и т. д. Так, некоторые исследователи, отождествляя интенсивность труда прежде всего с его физической тяжестью, полагали, что технический прогресс ведет к облегчению труда и, следовательно, снижению его интенсивности⁴. Подобный подход обедняет социально-экономическое содержание категории интенсивности труда, затухает ее прямую связь с объективными тенденциями развития общественного производства, в частности курсом на его интенсификацию.

На наш взгляд, интенсивность относится к наиболее существенным характеристикам трудового процесса. Наряду с производительной силой труда, интенсивность также определяет уровень его производительности. Отдельные положения К. Маркса позволяют судить, что он рассматривал интенсивность в качестве одного из факторов производительности⁵. Таково же мнение и большинства советских экономистов⁶. При этом производительная сила труда определяется уровнем его фондовооруженности, энерговооруженности и подобными факторами, а также уровнем образовательной и профессионально-квалификационной подготовки кадров. Интенсивность трудового процесса определяется его организационной стороной, степенью ее соответствия техническому уровню производства, условиями и характером труда работников, стимулами к труду и имеющимися в обществе ресурсами полноценного восстановления рабочей силы. Важнейшим фактором, определяющим интенсивность труда, является продолжительность рабочего дня (недели). В известных границах то, что теряется на продолжительности действия рабочей силы, отмечал К. Маркс, выигрывается на ее интенсивности⁷.

Значительные возможности интенсификации общественного труда связаны с развитием социалистического производства на базе ускоренного научно-технического прогресса. Главная линия взаимосвязи роста интенсивности труда и НТП состоит в том, что развитие последнего приводит не только ко все возрастающей скорости технологических процессов и соответственно «скорости расходования» рабочей силы, но и делает это приемлемым и даже выгодным для самих работников, так как при этом одновременно улучшается материальная природа процесса труда, обогащается их потребление, оптимизируется бюджет времени, совершенствуется весь комплекс ресурсов восстановления и стимулирования трудовой активности работников. Механизм, посредством которого улучшение условий труда и потребления допускает «безболезненное» и даже социально

³ Так, в материалах первого пятилетнего плана подчеркивалось: «Необходимо добиться того, чтобы производительность труда по темпу своего роста шла впереди заработной платы, с тем, однако, чтобы разница между этими темпами была тем меньше, чем больший удельный вес в интегральном повышении производительности труда имеет его интенсивность и, наоборот, разница должна быть тем больше, чем значительней удельный вес технических улучшений». (См.: Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. — 3-е изд. — М.: 1930. — С. 97). Такой методологический подход представляется нам исключительно важным для разработки форм и методов стимулирования производительности труда в современных условиях.

⁴ О подобных точках зрения см.: Сироткин С. П. Интенсивность и производительность труда. — Ярославль, 1969; Климов Н. А. Производительность и интенсивность труда при социализме. — М.: МГУ, 1971; и др.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 23. — С. 352—353; Т. 49. — С. 86.

⁶ См.: Лашиник В. А. Социально-экономические проблемы интенсивности труда при социализме. — Киев: Вища школа, 1977.

⁷ Примечательно в этой связи то положение К. Маркса, где он связывает рост интенсивности труда с уменьшением «непроизводительного потребления» рабочей силы. — См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 23. — С. 352—353.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1986. — С. 141.

² См. подробнее: Кравченко А. И. Экспериментальные исследования труда в 20-е годы // Социол. исследования. — 1982. — № 4. — С. 150.

оправданное увеличение его интенсивности сводится к двум моментам. Во-первых, к последовательному сокращению расходов ресурсов рабочей силы, идущих на преодоление неблагоприятных, тяжелых и вредных условий производственного процесса, на «снятие» негативного влияния рутинно-монотонного характера труда и т. п. факторов и отсюда — к увеличению доли и массы трудовых усилий, направляемых работником непосредственно на предмет труда.

В связи с этим правомерно определить рост интенсификации труда под влиянием научно-технического прогресса в производстве как повышение степени концентрации трудовых усилий работников непосредственно на предмет их труда при снижении доли затрат нервной и физической энергии, расходуемой на преодоление неблагоприятных условий и характера труда, а также на осуществление элементарных трудовых функций, являющихся необходимыми, но малопродуктивными по своему характеру (например, ручная транспортировка, подноска материалов, установка инструмента и т. п.). Подобная концентрация трудовых усилий, свойственная производственному процессу в технически совершенных и комфортных условиях, позволяет добиться резкого увеличения интенсивности и производительности труда, повысить качество, сократить случаи разного рода профессиональных заболеваний и т. п.

Во-вторых, к нарастанию возможностей общества компенсировать увеличение интенсивности труда индивидуального и совокупного работника путем обогащения потребления, формирования наиболее благоприятных условий восстановления его трудовой активности. Научно-технический прогресс в производстве позволяет насытить потребление такими элементами, которые способны сыграть роль необходимых условий и стимулов интенсификации общественного труда как в форме материальных благ, так и услуг. Одновременно в результате интенсификации общественного труда достигается возможность сокращения рабочего дня и рабочей недели без ущерба интересам народного хозяйства в целом.

Однако рассматривая улучшенные условия и характера труда работников под влиянием НТП как основной резерв интенсификации труда, не следует полагать, что его реализация в народнохозяйственной практике обладает каким-либо автоматизмом. Такое предположение противоречило бы самой сущности социально-экономического фактора интенсификации, для которого наличие материальных предпосылок роста интенсивности и производительности труда обязательно должно сопровождаться формированием соответствующих субъективных (личных) интересов и стимулов. Иначе говоря, те изменения в сфере производства и потребления, которые в современных условиях выступают как закономерная предпосылка роста интенсивности общественного труда, могут быть результативными постольку, поскольку они принимают форму личного интереса каждого работника.

Свойственное этапу ускоренного развития НТП возрастание роли личного фактора в производстве приводит к заметному усложнению организационных форм и экономических стимулов интенсификации труда. Снижается действенность тех форм интенсификации труда, в которых она жестко привязывалась к ускоренному технологическому ритму производства. В целом следует признать, что роль всей совокупности условий труда и потребления (в широком смысле), создающих в современных условиях одновременно и возможности, и стимулы роста интенсивности труда работников, еще не получила должного теоретического анализа.

В течение продолжительного времени вопрос о совершенствовании материального стимулирования труда, включая и уровень его интенсивности, чаще всего рассматривался через призму управления денежными доходами работников. При этом допускалось отождествление роста денежных доходов с ростом потребления и роста потребления с усилением его стимулирующей роли. В настоящее время односторонность, недостаточность данного подхода очевидна. Это связано главным образом с двумя

факторами⁸: а) различиями в динамике денежных доходов и реального потребления населения, б) сдвигами в системе запросов и интересов работников, снижающими стимулирующую функцию традиционного круга элементов потребления. Остановимся на этих вопросах, поскольку они представляют и теоретический интерес, и практическую значимость для совершенствования системы стимулирования интенсивного труда работников социалистического хозяйства.

Отметим, что такие факторы, как дефицитность значительного количества товаров и услуг, связанный в большой мере с этим быстрый рост сбережений населения, рост цен на некоторые виды потребительских товаров и услуг, развитие сферы «обмена услугами», приводят к относительной самостоятельности роста потребления от роста доходов. Можно, очевидно, утверждать, что в 1970—1985 гг. рост денежных доходов значительно опережал рост потребления, подрывая денежный механизм стимулирования труда. Об этом свидетельствует и стремительный рост сбережений населения, практически «погашающий» приросты его денежных доходов. Так, в 1961—1965 гг. на 1 руб. прироста оплаты труда приходилось 61 коп. прироста сбережений, в 1966—1970 гг. — 69 коп., в 1971—1975 гг. — 89 коп., в 1976—1980 гг. — 90 коп. и в 1981—1984 гг. — 89 коп.⁹

Однако ошибочно полагать, что известное соответствие между темпами роста денежных доходов населения и его потребления есть достаточное условие действительности всей системы материального стимулирования труда. Действительность этой системы во многом определяется степенью ее соответствия фактическому состоянию всей совокупности материальных и духовных запросов работников. В современных условиях тенденция к ослаблению действительности традиционного круга рычагов стимулирования интенсификации труда определяется двумя группами факторов: объективных, связанных с исчерпанием стимулирующего воздействия потребления материальных благ и услуг, удовлетворяющих элементарные нужды населения, и субъективных, связанных с недостатками в системе производства и распределения материальных благ и услуг, во многом оторванной от развития интересов и потребностей работников.

Действие первой группы факторов обусловлено тем, что в результате роста производительных сил общества появились возможности удовлетворения минимальных потребностей физического существования человека при постоянно уменьшающемся напряжении в процессе труда его физических и интеллектуальных сил, при неизменной или даже снижающейся интенсивности его труда. Удовлетворение потребностей физического существования, являвшееся на протяжении веков господствующим стимулом к труду, теряет свою доминирующую роль в мотивации трудовой активности человека и все более воспринимается им от общества как «должное». Одновременно возрастает удельный вес потребностей, которые хотя и не относятся к жизненно необходимым, но тем не менее, принимают на себя основную тяжесть предметного выражения стимулов интенсивности и производительности труда.

Действие второй группы факторов связано с тем, что развитие нашей страны длительное время происходило в условиях, когда потребление не оказывало существенного воздействия на производство. Удовлетворение сложившихся личных потребностей в их «наивно-потребительской» структуре¹⁰ не предъявляло особых требований к развитию ассортимента и форм распределения материальных благ. Положение изменилось уже к концу 60-х годов, когда структура потребностей, а затем и потребления стала меняться в сторону «облагораживания». В настоящее время анализ

⁸ Здесь нами не рассматриваются «дестимулирующие» факторы, связанные с недостатками самого денежного механизма стимулирования, а именно проявлениями «уровниловки», «выводиловки» и пр.

⁹ Наши расчеты. (Е. Б., В. П.). См. также: Свердлов И. Б. Рост сбережений населения // ЭКО. — 1982. — № 6. — С. 122.

¹⁰ Римащевская Н. М., Левкова Л. А. О методах выявления устойчивых типов потребления // Соцпол. исследования. — 1978. — № 2. — С. 139.

стимулирующей роли потребления должен все больше опираться на изучение не физиологических, а социальных потребностей работников. При этом под социальными мы понимаем широкий круг потребностей, объектом которых выступают не только и не столько блага как таковые, сколько сам процесс деятельности, в котором гармонично реализуются природные умственные и физические способности индивида. Это — потребности, в удовлетворении которых реализуется индивидуальность каждого человека, происходит его самоутверждение и общение с другими людьми, развиваются духовно-познавательные интересы и т. п. Современные методы изучения потребностей (статистика семейных бюджетов и полученный на ее основе дифференцированный баланс доходов и потребления населения, социологические обследования, торговая и народнохозяйственная статистика) свидетельствуют о том, что стимулирующая функция потребления в настоящее время предметно концентрируется в основном на средствах решения жилищного вопроса, высококачественных товарах длительного пользования (ТДП) и отдельных видах услуг.

Особое значение для усиления стимулирующего воздействия потребления на интенсификацию труда имеет жилье. «Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года» намечается повышение темпов жилищного строительства в стране; общий ввод жилья в течение предстоящих 15 лет составит около 2 млрд. кв. м, что позволит к 2000 г. решить жилищную проблему «в основном», т. е. предоставить каждой советской семье отдельное благоустроенное жилье. Нормальная обеспеченность жильем относится к числу важных необходимых предпосылок высокоинтенсивного, производительного труда. Наряду с этим, существуют значительные возможности усиления роли распределения жилья как стимулирующего фактора. Для этого необходимо преодолеть те элементы в системе распределения жилья, которые сложились еще в 20-е годы и призваны были гарантировать семьям социальный минимум жилья и соответственно не были рассчитаны на какой-либо весомый стимулирующий эффект.

В настоящее время 80% городского населения живет в отдельных квартирах и для большинства населения потребность в жилье означает уже не получение социально-гарантированного минимума, а дальнейшее улучшение жилищных условий. Это позволяет использовать сложившуюся ситуацию как действенный стимул трудовой активности работников. С этой целью, на наш взгляд, необходимо осуществить следующие меры: ввести плату за жилье, близкую к реальным издержкам эксплуатации жилого фонда, ввести дополнительную плату за улучшенное качество жилья, предоставить право улучшить жилищные условия (в т. ч. и в рамках государственного фонда жилья) за дополнительную плату. Необходимо добиться более активного подключения средств фондов экономического стимулирования предприятий для частичного финансирования кооперативного жилищного строительства, других форм улучшения жилищных условий и ремонта жилья, ввести дополнительные льготы молодым жилищным кооперативам, а также кардинально улучшить организацию обмена жилья. Совершенствуя систему распределения и предоставления жилья, следует неукоснительно соблюдать принципы социальной справедливости, среди которых решающее значение при социализме имеет принцип прямой зависимости всех форм материального и духовного благосостояния от трудового вклада работника. Осуществление предлагаемых мер привело бы к формированию единой, целостной системы распределения и перераспределения жилья преимущественно по экономическим принципам, позволило бы более активно включить жилье как важнейшее жизненное благо в сферу материального стимулирования труда.

Развитие стимулирующей роли потребления связано также с ростом производства, расширением ассортимента и повышением качества ТДП. По нашим оценкам, их доля в розничном товарообороте (без общественного питания) с 1960 по 1984 г. возросла с 12,4 до 17,8%, а в совокупном фонде потребления материальных благ и услуг (СФП) — с 3,1 до 11,6%.

Дальнейшее развитие этой тенденции, имеющей большое значение для практики материального стимулирования труда, будет зависеть от ряда обстоятельств.

К настоящему времени в основном уже завершено первоначальное насыщение спроса на многие традиционные виды ТДП, что ставит дальнейшую динамику их реализации в тесную зависимость от труднорешаемой пока задачи постоянного расширения ассортимента этой продукции, повышения ее качества (включая обслуживание и ремонт) и перехода к удовлетворению уже не массовых, а селективных (индивидуально-специфических) запросов потребителей. Лидирующими в группе ТДП в ближайшие 10—15 лет, очевидно, будут легковые автомобили¹¹, многофункциональная радио- и телеаппаратура, высококачественное специализированное оборудование, облегчающее домашний труд, средства удовлетворения рекреационно-оздоровительных потребностей населения и т. п.

Потребность в жилье и ТДП, активность их стимулирующей роли тесно связана с развитием сферы услуг. За последние 20—25 лет произошло известное повышение доли услуг в СФП населения СССР (с 22,3% в 1960 г. до 27,5% в 1984 г.). При этом, начиная с середины 1970-х годов, степень опережения роста услуг над ростом материальных элементов потребления заметно сократилась. Причина этого — неразвитость структуры услуг, доля которых определенное время (особенно, в 1960-е годы) росла преимущественно за счет приобщения к относительно узкому кругу традиционно оказываемых услуг средне- и менее обеспеченных семей. По завершению этого процесса и в связи с практическим отсутствием услуг, требующихся для высокодоходных групп населения, возможности опережающего роста услуг и, соответственно, усиления их стимулирующей функции оказались утраченными.

Развитие тех отраслей сферы услуг, которые способны сегодня реализовать стимулирующую функцию потребления, происходит замедленными темпами. По нашим оценкам, более 70% расходов потребителей на оплату услуг приходится на так называемые вынужденные услуги — элементарные бытовые и жилищно-коммунальные услуги, услуги транспорта, детских учреждений и т. п. При этом «раздутость» объемов некоторых видов услуг (например, ремонтных) может свидетельствовать даже не о прогрессивных, а о «дестимулирующих» тенденциях в потреблении.

Подобная ассортиментная скудность сферы услуг определяется рядом факторов, в том числе и жесткой привязкой ряда ее отраслей к общественным фондам потребления (ОФП), за счет которых покрывается около 60% «стоимости продукции» непродовольственных отраслей сферы услуг. Особенность современной ситуации заключается в том, что население все более предъявляет спрос на услуги, которые не могут быть исчерпывающе предоставлены вследствие ограниченности финансовых возможностей государства, а платно они либо вообще не предоставляются, либо предоставляются в ограниченных размерах. Это, в частности, касается сферы здравоохранения (платный уход за больными, возможность лечиться в более комфортных условиях, услуги платных физкультурно-рекреационных комплексов по месту жительства, в зонах массового отдыха и т. д.), сферы санаторно-курортного и туристско-экскурсионного обслуживания и пр. Расширение этих отраслей обслуживания за счет более активного привлечения средств потребителей позволило бы действительно включить многие виды услуг в сферу действия закона распределения по труду, усилить ими действующие рычаги материального стимулирования труда.

Характерно, что в современных условиях круг потребностей, предметно выражающих личные стимулы интенсификации труда, реализуется не только в сфере потребления, но и непосредственно в сфере производства. Это — потребность в содержательном труде в здоровых условиях, по-

¹¹ Их доля в общем объеме реализации ТДП с 1965 по 1984 г. увеличилась с 1,7% до 21,3%, но более, видимо, возрастет уже не будет.

требность «психологического комфорта» в трудовом коллективе и т. д. Решения XXVII съезда КПСС предусматривают, например, задачу снизить к 2000 г. долю занятых ручным трудом в сфере материального производства экономики СССР по сравнению с нынешним уровнем приблизительно в 2-раза, т. е. до уровня 15—20% всех занятых в этой сфере. Вместе с тем нельзя не признать, что значимые для каждого работника потребности в благоприятных условиях труда в настоящее время практически исключены из системы стимулирования труда. Между тем социологические обследования убедительно показали, что чем более творческим является характер процесса труда (а это в целом есть общая и объективная закономерность социально-экономического развития), тем большее значение для работника среди стимулов его трудовой активности приобретает сам процесс труда, точнее, такие его характеристики, как благоприятные условия, возможность реализации своей индивидуальности в продукте труда, понимание и положительная оценка со стороны коллег, рациональное построение режима труда и отдыха и т. д.

Передовой опыт организации труда, в частности опыт ВАЗа, а также ряда других предприятий, показывает, что реальные перспективы роста творческого характера труда работника по мере накопления им производственного опыта и стажа (от конвейера — к индивидуально-бригадному или индивидуальному производству) являются действенным стимулом интенсификации труда и стабильности кадров в целом. Напротив, как показал, например, опыт Камского объединения по производству большегрузных автомобилей «КАМАЗ», отсутствие у работников четких «личных перспектив» в смысле улучшения условий и характера труда (в частности, установленного «предельного» срока работы на конвейере) ведет к нестабильности кадрового состава предприятия, уменьшению действенности других рычагов материального стимулирования труда¹².

Обеспечивая сбалансированность трудовых ресурсов и рабочих мест на основе их аттестации и планирования, как это предусмотрено решениями XXVII съезда КПСС, важно не только добиваться коренного улучшения условий и характера труда, но и развивать элементы «соревновательности» или «состязательности» работников за возможность трудиться на наиболее благоприятных и творчески содержательных рабочих местах. Целесообразно в отдельных случаях с согласия производственного коллектива использовать часть фондов материального поощрения не в традиционных формах (выплата премиальных), а на оплату дополнительных мероприятий по улучшению условий производства, усилению охраны труда и здоровья работников, организацию дополнительного медицинского и врачебно-физкультурного обслуживания работающих.

Наконец, нельзя не сказать еще об одном факторе, который как бы интегрирует, отражает взаимодействие социальных резервов интенсификации труда, лежащих и в сфере потребления, и в сфере производства. Этот фактор — время, точнее сказать, те пропорции, в которых соотносятся между собой рабочее и вне рабочее, в том числе, действительно свободное время работников. В советской экономической литературе недостаточно акцентируется внимание на том, что тенденция к сокращению рабочего времени является органической чертой курса на интенсификацию труда и общественного производства в целом. В современных условиях эта органическая зависимость определяется двумя моментами.

Во-первых, перспектива относительно большего свободного времени превращается в современных условиях в один из наиболее активных стимулов интенсификации труда работника, уплотнения его рабочего времени в тех рамках, которые, с одной стороны, допускаются нормальным производственным ритмом и требованиями к качеству продукции, а с другой — диктуются необходимостью более полной и быстрой реализации возможностей, заложенных в современных средствах производства.

Во-вторых, условия и стимулы интенсификации труда, лежащие в сфере потребления (особенно ресурсы разумного досуга и отдыха), сохраняют свою результативность лишь в том случае, если обладающий этими ресурсами располагает и необходимым фондом свободного времени. Речь идет не только о снижении величины и доли рабочего времени, но и об улучшении структуры вне рабочего времени трудящегося населения¹³. В связи с этим, длительный период роста обеспеченности населения многими видами благ (особенно, культурно-рекреационного характера) при стабилизации пропорций распределения рабочего и вне рабочего времени неизбежно должен привести к ослаблению действенности рычагов материального стимулирования труда.

Таким образом, в проблеме сокращения рабочего дня (недели) сегодня видится своеобразный синтез многих социально-экономических факторов интенсификации труда и производства. Однако в хозяйственной практике этот элемент системы материального стимулирования труда должного распространения не получил. Между тем, еще в 1918 г. В. И. Ленин, обсуждая принципы социалистического соревнования, писал о вознаграждении «выдающихся коммун» «сокращением на известный период рабочего дня» и рассматривал этот стимул в одном ряду с повышением заработка¹⁴. В настоящее время, когда резко расширился круг материальных и духовных запросов работников, значительно выросли возможности их удовлетворения, стимулирующая роль фактора времени приобретает особое значение. Всесоюзное социологическое исследование образа жизни, проведенное в нашей стране в начале 80-х годов, показало, что свободное время как стимул трудовой активности занимает второе место после материальной обеспеченности¹⁵. Интерес к подобным формам стимулирования интенсификации общественного труда растет не только в СССР, но и в других социалистических странах. Так, в решениях XVII съезда КПЧ сказано о необходимости «создавать условия для увеличения свободного от работы времени в интересах более полного развития личности и творческих способностей трудящихся. Свободное от работы время прибавлять с таким расчетом, чтобы это строго отвечало мере сложности профессии и принципам зависимости от проявленных заслуг»¹⁶.

В новой редакции Программы КПСС подчеркивается, что в перспективе интенсификация общественного производства и рост производительности труда откроют возможности сокращения рабочего дня¹⁷. Однако в решении этой задачи не вполне обоснованно полагаться только на уже сложившиеся организационные формы. Ранее сокращение рабочего дня (недели) охватывало, как правило, всю массу работников по соответствующим отраслям и сферам производства. Такая форма была оправдана условиями своего времени, хотя она несомненно и снижала стимулирующий эффект от получения дополнительного фонда свободного времени работниками.

Современные условия и задачи сегодняшнего дня (необходимость использования стимулирующего влияния фактора свободного времени в острой трудодефицитной ситуации) требуют сочетания элементов как общего, так и селективного подхода к решению проблемы сокращения рабочего времени, т. е. сочетания мер по общему ограничению продолжительности рабочего дня (недели) с выборочным вознаграждением этим правом отдельных работников, «микроколлективов» (бригад) и производственных коллективов в целом за особо значительные достижения в области роста

¹² По имеющимся оценкам, 2/3 фонда полезного времени, расходуемого вне сферы производства, непродуктивно расходуется работниками на стояние в очередях, поездках на работу и обратно и тому подобные нужды. (См.: Вопр. экономики. — 1985. — № 11. — С. 110).

¹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 36. — С. 192.

¹⁵ Социол. исследования. — 1984. — № 2. — С. 108.

¹⁶ XVII съезд Коммунистической партии Чехословакии. — Прага: Орбис, 1986. — С. 226.

¹⁷ Материалы XXVII съезда КПСС. — С. 152.

¹² См.: Человек на виду // Правда. — 1986. — 20 янв.

производительности общественного труда и при выполнении всех других позиций народнохозяйственных планов.

На наш взгляд, важным направлением совершенствования всего механизма стимулирования интенсификации труда способно стать предоставление руководителям предприятий и объединений права в строго регламентированных случаях на известный период времени сокращать рабочее время (рабочий день или рабочую неделю) тех или иных групп работников, достигших наивысших результатов в повышении производительности труда в результате их личного вклада в его интенсификацию. Очевидно, что подобная система мер может осуществляться лишь в рамках строгого обоснования численности работающих по отношению к ассортименту и трудоемкости производимой продукции, недопущения различного рода «излишков» или «резервов» рабочей силы на предприятиях, а также в условиях высокой ритмичности и всесторонней материально-технической обеспеченности производства.

Мобилизация социально-экономических резервов интенсификации труда и производства представляется необходимым условием перехода к преимущественно интенсивному типу экономического роста. Выявление этих резервов, их всесторонний учет в практике народнохозяйственного планирования и управления — важная составляющая стратегии ускорения социально-экономического развития СССР.

*Институт экономики АН СССР,
Москва*

Г. П. ХАНИН

В ПОИСКАХ БОЛЕЕ ТОЧНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОЦЕНОК
(ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 30-х и 40-х ГОДОВ)

Повышение эффективности планового управления экономикой требует достоверной информации о характере происходящих в ней процессов. Недостаточная достоверность экономической информации затрудняет экономический анализ, обоснованное установление народнохозяйственных, межотраслевых и внутриотраслевых пропорций, регулирование денежного обращения, оценку деятельности отраслей, министерств, производственных объединений и предприятий, руководящих работников, лишает надежной основы систему материального и морального поощрения, создает благоприятные условия для хищения материальных ценностей и приводит к другим негативным экономическим и социально-политическим последствиям.

Анализ истории советской экономической науки показывает, что проблема повышения достоверности экономической информации занимала в ней заметное место. Интерес к этой проблеме никогда не падал, хотя и был неравномерным в отдельные периоды в зависимости от экономического положения страны, состояния самой экономической науки, условий ее развития и некоторых других факторов. В ходе обсуждения этой проблемы высказано много ценных идей, которые не потеряли своей актуальности в настоящее время. К сожалению, они нередко просто забыты, и напоминание о них может сослужить немалую пользу и для современного обсуждения этого вопроса, тем более что многие из указанных в прошлом недостатков в экономической информации продолжают сохраняться в той или иной степени.

Первый этап дискуссии о более точных экономических оценках развернулся в конце 20-х — начале 30-х годов. В этот период в работах многих советских экономистов и статистиков, практических работников было подвергнуто критике измерение динамики промышленного производства в так называемых неизменных ценах 1926/27 г. по данным промышленных предприятий. Теоретически и на многочисленных практических примерах было доказано, что в условиях быстрого изменения номенклатуры продукции и роста общего уровня цен такой способ измерения динамики продукции приводит к значительному завышению его реальной динамики. Много критических замечаний со стороны хозяйственных органов и экономистов вызывали традиционные оценки динамики строительного производства, которые основывались на фактических затратах на строительно-монтажные работы и не учитывали изменения их стоимости на единицу работ в физическом выражении. Подвергались сомнению также данные об объеме грузовых перевозок на автомобильном транспорте, основывающиеся на сомнительной первичной документации о перевозках грузов. Сами руководители автомобильного транспорта признавали эти данные недостоверными.

Наиболее резкой была критика в адрес обобщающих показателей динамики промышленного и строительного производства и объема перевозок на грузовом автотранспорте, так как искажения достоверности эконо-

мической информации по этим показателям носили наиболее значительный характер. Кроме того, в экономической литературе конца 20-х — начала 30-х годов отмечалась также недостаточная достоверность данных о натуральных показателях объема промышленной продукции, себестоимости промышленной продукции, объема и динамики сельскохозяйственной продукции. В этот период предпринимались попытки расчета альтернативных (традиционным) показателей динамики общеэкономических показателей на народнохозяйственном и заводском уровнях. Так, под руководством Я. П. Герчука в Конъюнктурном институте Народного Комиссариата финансов и М. Н. Смит в отделе промышленной статистики ЦСУ СССР в конце 20-х годов рассчитывались индексы физического объема промышленной продукции на основе набора важнейших видов промышленной продукции в натуральном выражении. Начальник планового отдела станкостроительного завода в Одессе Ю. Г. Бердичевский, используя в качестве весов затраты нормо-часов на единицу продукции, рассчитал динамику продукции завода и отдельных его цехов. Альтернативные оценки оказались значительно ниже традиционных (в некоторых случаях, как, например, на станкостроительном заводе в Одессе, разрыв составил по приросту продукции почти 10 раз¹). В 1933 г. в одном из институтов Народного Комиссариата тяжелой промышленности группой инженеров-строителей был рассчитан индекс физического объема строительной продукции, учитывавший удорожание строительства. Он также оказался намного ниже традиционного.

Государственными органами в 1931 г. были приняты некоторые меры по улучшению оценки экономических показателей. Важное значение в повышении достоверности экономической информации имело укрепление статистических органов и назначение начальником Центрального управления народнохозяйственного учета (ЦУНХУ) Госплана СССР в декабре 1931 г. выдающегося советского экономиста и хозяйственника Н. Н. Осипского. Под руководством Н. Н. Осипского была развернута борьба за «верную цифру». Наряду с ослаблением темпа роста цен деятельность статистических и других государственных органов привела к определенному повышению достоверности экономической информации в годы второй пятилетки. В связи с этим в середине 30-х годов обсуждение проблем более точных оценок экономических показателей заметно ослабло.

Следует, однако, отметить, что основные вопросы, поднимавшиеся в дискуссии конца 20-х — начала 30-х годов, так и не нашли в этот период положительного разрешения. Динамика продукции промышленности продолжала исчисляться в неизменных ценах 1926/27 г., индекс стоимости строительства систематически не исчислялся, динамика продукции строительства продолжала выражаться, в сущности, в текущих ценах, не были приняты сколько-нибудь действенные меры по улучшению учета на автомобильном транспорте.

Практически не обсуждался в печати вопрос достоверности данных о динамике основных производственных фондов, хотя в условиях общего роста цен и при отсутствии переоценок основных производственных фондов по восстановительной стоимости следовало ожидать завышения ее реальной величины. В тени оставался вопрос и о динамике национального дохода, которая тесно связана с достоверностью показателей динамики промышленной, строительной и транспортной продукции, подвергавшихся критике.

Начиная с 1937 г. в связи с ускорением роста цен в экономике, усилением процесса обновления продукции и снижением эффективности производства дискуссия о более точных экономических оценках снова заметно оживилась. Она охватила наряду со старыми и новые области экономических оценок.

¹ Бердичевский Ю. Г. Учет и планирование производительности труда (опыт одного завода). — М., 1930. — С. 112.

В ряде журнальных статей и монографий в период третьей пятилетки содержалась критика сложившихся в 30-е годы методов информационного обеспечения управления и вносились предложения по улучшению этого обеспечения. Наиболее всесторонняя критика и довольно всеобъемлющие и частично новые предложения представлены в книге Ш. Я. Турецкого «Себестоимость и вопросы ценообразования». Уже в начале книги Ш. Я. Турецкий показывает значительные размеры и серьезные негативные последствия роста оптовых цен в 30-е годы, влиявшие на качество экономической информации и ухудшение качества управления: «Отдельные отрасли хозяйства и предприятия зачастую стремились покрыть невыполнение ими производственных заданий и связанный с этим рост себестоимости продукции путем незаконного повышения цен. Практиковались... в отдельных отраслях промышленности нарушения плано-установленных цен ослабляли в отдельные периоды, особенно в 1931—1933 гг., роль денег как орудия борьбы за план. Самовольное повышение цен при невыполнении плановых заданий по снижению себестоимости продукции создавало мнимое финансовое благополучие в одних отраслях за счет других отраслей»². В книге приводятся многие ранее высказывавшиеся другими авторами претензии к оценке продукции в неизменных ценах, которая порождала искажение динамики продукции, не могла служить базой для определения фонда заработной платы, искажала картину действительной отраслевой структуры продукции³. Для определения динамики продукции Ш. Я. Турецкий предлагал дефлятирование объема продукции в действующих ценах и планирование в тех же ценах, позволяющее обеспечить увязку производственных и финансовых планов промышленности⁴. «...Переход в дальнейшем к единой оценке продукции в действующих ценах, — писал Ш. Я. Турецкий, — требует наладить работу по исчислению двух важнейших индексов, которые могут заменить исчисление валовой продукции в неизменных ценах: индекса роста физического объема продукции и индекса роста производительности труда. Индекс физического объема продукции может быть разработан на основе двух подиндексов (субиндексов), один из которых должен отразить темп роста продукции в фактических отпускных ценах, а другой — изменение отпускных цен»⁵. В связи с необходимостью наладить исчисление индексов отпускных цен Ш. Я. Турецкий резко критиковал допущенное в 30-е годы в ЦУНХУ почти полное прекращение работы по исчислению индексов цен⁶.

Таким образом, Ш. Я. Турецкий выдвигал новые предложения по более точному определению динамики объема производства во всех отраслях народного хозяйства и в целом по национальному доходу. При всей обоснованности его предложений о дефлятировании продукции в текущих ценах представляется, что он недооценивал сложность определения индексов оптовых цен и не объяснил, как предполагается определить темп роста на уровне более низком, чем отрасль (отдельное предприятие, главк, регион).

Быстрый рост цен на инвестиционные продукты во второй половине 20-х — начале 30-х годов, не сопровождавшийся переоценкой основных производственных фондов в основных отраслях материального производства по восстановительной стоимости, крайне затруднял определение реальной динамики основных производственных фондов, норм амортизационных отчислений, позволяющих обеспечить возмещение износа основных фондов, реальной величины накоплений в народном хозяйстве, искажал структуру себестоимости продукции и сравнительную себестоимость продукции предприятий разных лет постройки, сопоставление объема

² Турецкий Ш. Я. Себестоимость и вопросы ценообразования. — М., 1940. — С. 25.

³ Там же. — С. 132.

⁴ В 1940 г. в промышленности СССР впервые планировали объем товарной продукции в действующих ценах.

⁵ Турецкий Ш. Я. Себестоимость и вопросы ценообразования. — С. 142.

⁶ Там же.

основных и оборотных фондов, динамики фондоотдачи. Впервые, насколько удалось установить, серьезное экономическое обоснование срочной необходимости переоценки основных фондов в советской экономике в 30-е годы дал А. А. Аракелян. В книге «Основные фонды промышленности СССР» он отмечал, что «в настоящее время назрела необходимость провести генеральную переоценку основных фондов»⁷. Однако наиболее обстоятельно и аргументированно эта точка зрения изложена А. А. Аракеляном в статье «К вопросу о переоценке основных фондов народного хозяйства»⁸. В этой статье А. А. Аракелян приводит полный перечень тех ошибок в хозяйственном руководстве и планировании, которые связаны с неправильной оценкой основных фондов. Он ясно дает понять, что размеры недооценки основных фондов народного хозяйства по сравнению с их восстановительной стоимостью чрезвычайно велики. Свою мысль он подтверждает ярким и убедительным примером: «В текстильной промышленности ватера старого предприятия числится на балансе в сумме 3—4 тыс. руб., а стоимость ватера той же мощности, но произведенного в 1936 г. или 1937 г., числится в 40—50 тыс. руб.»⁹ Этот пример, кстати, свидетельствует о том, как точно экономисты того периода представляли размер роста цен на инвестиционные товары в 30-е годы.

После выхода статьи А. А. Аракеляна необходимость переоценки основных фондов, как срочная задача, отмечалась во многих работах предвоенного периода. Однако практических шагов по такой всеобщей переоценке предприятия не было.

По мере увеличения удельного веса автомобильного транспорта в развитии народного хозяйства более глубоко, чем в предшествующий период, стали вскрываться методы искажения экономической информации на автомобильном транспорте. Одной из самых интересных работ по этому вопросу явилась статья М. И. Неменского об измерителях на автомобильном транспорте¹⁰.

М. И. Неменский писал: «Привлекает к себе внимание такой показатель, как коэффициент использования тоннажа¹¹. Этот измеритель в своем применении на практике вызывает особенно много подозрений в правильности отражения действительной работы. При этом в существующем порядке его применения имеет место порочность как в методе планирования, так и в способе учета. С одной стороны, как правило, не все грузы взвешиваются или допускают их взвешивания, и их вес показывается лишь по документам, а иногда и на глаз. Также очень часто для большего соответствия плановым заданиям вместо веса груза, независимо от перевезенного количества, показывается наличная грузоподъемность автомашины... В результате такой импровизации с использованием тоннажа и, по всей вероятности, не меньшей интуиции, при определении среднего расстояния рабочих ездов себестоимость тонна-километра как центральный качественный показатель работы автотранспорта теряет под собой твердую почву, являя в лучшем случае результат голый арифметики, а в худшем случае введение в заблуждение себя и других»¹². При всей оригинальности стиля автора, его наблюдения и выводы являются весьма убедительными и ценными.

Период Великой Отечественной войны привел к исключительно сильным структурным сдвигам в экономике, массовому обновлению продукции (главным образом, оборонной), резкому усилению товарно-денежной

⁷ Аракелян А. А. Основные фонды промышленности СССР.— М., 1938.— С. 23.

⁸ Аракелян А. А. К вопросу о переоценке основных фондов народного хозяйства // Проблемы экономики.— 1938.— № 5.

⁹ Там же. С. 85.

¹⁰ Неменский М. И. К вопросу об измерителях на автотранспорте // Дорога и автомобиль.— 1935.— № 8.

¹¹ Этот показатель является производным от объема перевозок, поэтому оценка М. И. Неменского, в сущности, относится не только к показателю коэффициента использования тоннажа, но и к объему перевозок.

¹² Неменский М. И. К вопросу об измерителях...— С. 48.

несбалансированности и росту общего уровня цен. В ряде отраслей народного хозяйства упала эффективность общественного производства. Все эти факторы обострили проблему качества экономической информации.

После войны обсуждение проблем более точных экономических измерителей возобновилось. Ценные предложения по повышению точности экономической информации содержались в монографии Ш. Я. Турецкого «Внутрипромышленные накопления», опубликованной в 1948 г. Многие положения новой книги повторяли изложенные выше идеи автора, особенно в области определения динамики продукции на основе ценностных показателей в неизменных ценах. Принципиально важными и ценными явились высказывания Ш. Я. Турецкого о том, какое искажающее влияние вносило применение неизменных цен при анализе развития промышленности в период войны, который характеризовался исключительно быстрым обновлением продукции и быстрым ростом общего уровня цен. Автор обращал внимание на то, что «для производства продукции гражданского машиностроения на сумму в 1 тыс. руб. затрачивалось до войны в 1,4—1,7 раза больше труда, чем на производство на ту же сумму (в неизменных ценах) военной продукции»¹³. Неучет этого обстоятельства приводил к парадоксальным экономическим выводам о том, что несмотря на значительное ухудшение квалификационного состава кадров, материального обеспечения работающих и уменьшения поставок основных материалов, производительность труда в машиностроении в период войны значительно выросла, в то время как в первые послевоенные годы, несмотря на улучшение всех объективных факторов роста производительности труда, она упала. Приведенный в книге большой фактический материал по сопоставимому кругу отраслей и продуктов промышленности показал, что эффективность производства, как правило, в период войны падала.

Интересно замечание Ш. Я. Турецкого о том, что «нельзя из-за известных сложностей методического порядка ставить под сомнение целесообразность обобщающих в масштабе предприятия, отрасли и народного хозяйства показателей объема продукции»¹⁴. По-видимому, в плановых органах в то время обсуждался вопрос о возможности обойтись без обобщающего показателя вместо того, чтобы пользоваться заведомо недоброкачественными и вводящими в заблуждение обобщающими показателями. Естественность такой постановки вопроса не вызывает сомнения.

Ш. Я. Турецкий много внимания уделяет критике достоверности традиционных показателей изменения себестоимости промышленной продукции, которые не учитывают время начала производства, в связи с чем при быстром обновлении и снижении первоначально высоких затрат новой продукции создается ложное впечатление о снижении общего уровня себестоимости продукции, хотя по старой продукции себестоимость может даже и расти. Для решения проблемы «сравнимости» в машиностроении Ш. Я. Турецкий предлагает рассчитывать себестоимость на единицу потребительских качеств продукции¹⁵.

Важные мероприятия по совершенствованию оценки объема продукции в промышленности были намечены постановлением Совета Министров СССР от 28 июля 1948 г. «О ликвидации системы государственных дотаций и повышении оптовых цен на продукцию ряда отраслей тяжелой промышленности и тарифов на железнодорожном транспорте». В постановлении говорилось: «Установление новых оптовых цен на продукцию тяжелой промышленности создает также условия для перехода к планированию и учету валовой продукции, производительности труда и капитальных работ в действующих оптовых ценах вместо применяемых в настоящее время неизменных цен 1926/27 г. в промышленности и сметных цен 1936 г. и 1945 г. в строительстве»¹⁶. И далее: «Для контроля за ходом выполнения

¹³ Турецкий Ш. Я. Внутрипромышленные накопления.— М., 1948.— С. 169.

¹⁴ Там же.— С. 375.

¹⁵ Там же.— С. 232.

¹⁶ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам.— М., 1958.— Т. 3.— С. 301.

пятилетнего плана, а также для учета динамики физического объема продукции предложить ЦСУ Госплана СССР установить учет индексов оптовых цен, в том числе по сравнению с неизменными ценами 1926/27 г.»¹⁷ Таким образом, указанное постановление делало крупный шаг в направлении более точного установления динамики продукции в промышленности и строительстве, динамики производительности труда. Вместе с тем, именно реализация этого постановления показала, с какими исключительными трудностями приходится сталкиваться при глубоких изменениях методов оценки деятельности производственных ячеек в народном хозяйстве.

Предусмотренные Постановлением СМ СССР от 28 июля 1948 г. изменения порядка учета и планирования объема продукции, производительности труда и капитальных вложений не были осуществлены. Единственное объяснение причины этого невыполнения нам удалось обнаружить в книге «Планирование народного хозяйства» Г. М. Сорокина, который в то время был начальником сводного отдела Госплана СССР. Г. М. Сорокин, изложив содержание постановления об изменении порядка планирования и учета, пишет: «Но в действительности это абсолютно не удалось ввиду быстрого и неравномерного изменения цен.»¹⁸ Такое объяснение является слишком общим. Видимо, дело обстояло таким образом, что индекс цен удалось бы составлять, если бы цены менялись медленно и равномерно, так что, выбрав для расчета индекса ограниченное число продуктов, удалось бы охватить изменение цен во всех отраслях народного хозяйства. Именно так поступают в странах с рыночной экономикой, где изменение цен относительно равномерно. При системе централизованного управления экономикой такой способ явно неудовлетворителен. В лучшем случае он способен обеспечить примерное отражение общего индекса продукции по целой отрасли. Однако для оценки деятельности отдельных министерств, главков и тем более предприятий нужны более детальные индексы цен. Сложность их построения, особенно в таких отраслях, как машиностроение и строительство, велика. Следует учесть, что в результате практической ликвидации в 1930 г. статистики оптовых цен (Г. М. Сорокин об этом не упоминает) опыта построения таких индексов у нового поколения советских статистиков не было, эти вопросы перестали освещаться в научной литературе.

Представляется, что объяснение Г. М. Сорокина не является исчерпывающим. К числу вероятных причин неудач с выполнением постановления от 28 июля 1948 г., видимо, относятся и неизбежные трудности с оценкой деятельности отдельных предприятий, регионов. Потребовалось бы уточнить старую динамику продукции промышленности и строительства, динамику производительности труда. Когда все эти вопросы сразу после принятия постановления всплыли, решено было сохранить старые методы учета и планирования объема продукции, производительности труда в промышленности и капитальных вложений.

После войны задача переоценки основных фондов продолжала сохранять свою остроту. Вновь к этому вопросу первым в литературе вернулся В. Соболев. В его статье очень четко излагалась уже знакомая читателям по статье А. А. Аракеяна аргументация о необходимости переоценки основных фондов¹⁹.

В конце 30-х, в 40-е годы хозяйственные органы принимали некоторые меры по уточнению оценки основных производственных фондов. В конце 30-х годов были переоценены по восстановительной стоимости основные производственные фонды рыбной промышленности и средств связи; а также основные производственные фонды на некоторых территориях,

вступивших в состав СССР в 1939—1940 гг. Более широкие размеры и значение имела переоценка основных производственных фондов по восстановительной стоимости, производившаяся в конце войны в районах, временно оккупированных фашистами, где размещалась значительная часть основных производственных фондов народного хозяйства СССР. Видимо, на основе данных этой переоценки Госплан СССР сразу после войны в целях определения реальной динамики основных производственных фондов и для других плановых и аналитических целей произвел расчет восстановительной стоимости основных производственных фондов по всему народному хозяйству. Восстановительная стоимость основных производственных фондов была исчислена для предвоенного периода в размере 1040 млрд. руб.²⁰, что почти в 3 раза превышало стоимость основных производственных фондов по балансовой стоимости в 1940 г.²¹ Однако в практике планирования и учета продолжала сохраняться оценка преобладающей части основных производственных фондов по балансовой стоимости, что приводило к серьезным ошибкам в экономическом анализе и планировании. Намечавшаяся на начало 50-х годов переоценка основных фондов так и не была проведена.

Анализ дискуссии среди советских экономистов второй половины 30-х—40-х годов по вопросу о более точных оценках экономических показателей свидетельствует, что и в этот период существовало довольно ясное понимание неточности традиционных оценок во многих областях экономической жизни. При этом круг подвергавшихся критике традиционных оценок в этот период расширился, распространившись на динамику национального дохода, объем и динамику основных производственных фондов, продукцию грузового автомобильного транспорта.

Наиболее содержательной стороной развернувшейся дискуссии была критическая сторона. Негативные стороны традиционных оценок подвергались достаточно аргументированной критике. Правда, в отличие от предыдущего периода, чаще всего не выявлялись даже примерные размеры искажения экономической информации традиционными оценками. Исключением в этом отношении была лишь книга Ш. Я. Турецкого «Внутрипромышленные накопления».

Предложения по усилению точности экономических оценок во многом повторяли предложения, выдвигавшиеся в предыдущий период (исчисление индекса физического объема, дефлятирование объема производства в текущих ценах). Эти предложения, однако, позволяли решить вопрос о более точных экономических оценках на общегосударственном уровне лишь в аналитических целях. Гораздо более трудной оказалась проблема оценки деятельности отдельных производственных ячеек, которая требовала выработки сквозной системы оценок: от предприятия до Госплана.

Хозяйственные органы в этот период предпринимали некоторые усилия по совершенствованию качества экономической информации. Производилась переоценка основных фондов в отдельных отраслях и регионах. В аналитических целях была рассчитана восстановительная стоимость основных производственных фондов в ценах 1945 г. Делались попытки уточнения динамики промышленного производства (уточнение неизменных цен 1926/27 г. в 1936 г., намечался переход к дефлятированию динамики продукции в текущих ценах), капитальных вложений (путем дефлятирования объема капитальных вложений в текущих ценах). Однако в целом деятельность хозяйственных органов по повышению качества экономической информации далеко отставала от потребностей руководства экономикой. Проводившиеся мероприятия носили фрагментарный характер, осуществлялись с большим опозданием и не только не доводи-

²⁰ Вознесенский Н. А. Избранные произведения. — М., 1979. — С. 453.

²¹ Рассчитано на основе объема основных производственных фондов промышленности на начало 1941 г. (История социалистической экономики. — М., 1978. — Т. 5. — С. 53) и доли основных производственных фондов промышленности и строительства в 1940 г. в общей стоимости основных производственных фондов народного хозяйства (Народное хозяйство СССР в 1958 г. — М., 1959. — С. 58).

¹⁷ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. — М., 1958. — Т. 3. — С. 308.

¹⁸ Сорокин Г. М. Планирование народного хозяйства. — М., 1961. — С. 56.

¹⁹ Соболев В. К вопросу об оценке основных фондов // Плановое хозяйство. — 1947. — № 4.

лись до конца, но чаще всего обрывались уже в самом начале. Так, генеральная инвентаризация основных фондов не производилась более 20 лет, была даже отложена и без того крайне запоздавшая генеральная инвентаризация, намеченная на начало 50-х годов. Практически ничего серьезного не было сделано по уточнению динамики промышленного производства и национального дохода. Не было предпринято серьезных усилий по уточнению экономической информации об объеме грузовых автомобильных перевозок и строительно-монтажных работ. Поэтому искажения экономической информации, возникшие в 30-е—40-е годы, в последующем продолжали сохраняться.

Одной из характерных особенностей обновления общественной жизни в нашей стране, начавшегося после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, являлась борьба с ложной информацией, несовместимой с социалистическим образом жизни и задачей совершенствования управления экономикой. Выступая на совещании партийно-хозяйственного актива Тюменской и Томской областей 6 сентября 1985 г., Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев подчеркнул: «Трудно вести правильно дело, когда нет объективной информации... Любое приукрашивание, но говоря уже о заведомой лжи, может только вредить нашему великому делу. Этот ленинский завет должен быть нормой жизни нашего общества».²²

В борьбе за «верную цифру» необходимо использовать все ценное, что содержится в работах советских экономистов 30-х—40-х годов. Настало время реализовать идею о дефлятировании стоимостных показателей с помощью реальных (т. е. учитывающих и скрытый рост цен) индексов цен в целом по народному хозяйству и отдельным его отраслям. Однако решение этой задачи из-за отсутствия надежной теоретической базы разработки таких индексов в условиях плановой экономики и слабости практических кадров в этой области вряд ли может быть достигнуто в скором будущем. Поэтому, не дожидаясь разработки реальных индексов цен, можно уже сейчас применять альтернативные оценки объема и динамики экономических показателей, по примеру индексов Я. П. Герчука и М. Н. Смит, рассчитывавшихся в конце 20-х годов. Предложения о разработке таких альтернативных оценок динамики промышленной продукции и расчеты по ним за отдельные периоды содержатся в работах советских экономистов К. К. Вальтуха, Б. Л. Лавровского, В. К. Фальцмана, Г. Д. Филипповой.²³

Настало время обеспечить наше планирование и управление надежной исходной информацией, завершить начатую Н. Н. Осинским борьбу за «верную цифру». Обсуждение наилучших путей ее решения является, как нам кажется, одной из важнейших задач экономической науки.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ

Н. В. ВОРОБЬЕВ, В. А. ЕРШ, Г. И. ФИЛЬШИН,
А. Я. ЯКОБСОН

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ В СВЯЗИ С РАЗМЕЩЕНИЕМ ПРОИЗВОДСТВА (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ускоренное развитие промышленности в Иркутской области приводит к формированию новых городов и быстрому росту городского населения. С этим связан ряд социально-экономических проблем, которые во многом типичны и для городов других регионов Сибири (прежде всего ресурсных). Вместе с тем эти проблемы дифференцированы по разным типам городов.¹

Основу системы городского расселения Иркутской области составляют 22 города. При их дифференциации удобно пользоваться понятием «новый город», относя к этой категории города, возникшие после Великой Отечественной войны «на чистом месте» в связи с реализацией региональных ресурсных программ: Ангарск, Шелехов и Байкальск в Иркутско-Черемховском ТПК, Братск, Железногорск-Илимский, Вихоревку и Усть-Илимск — в Братско-Усть-Илимском ТПК. В 1985 г. получил статус города Саянск², что знаменует начало формирования нового ТПК и соответствующей системы городского расселения в центральной части области. Остальные города мы условно называем «старыми». Хотя городской статус они приобрели в разное время (некоторые даже в 60-х годах), фактически поселения здесь существовали с дореволюционных времен.

Согласно принятой в градостроительстве классификации, в области имеется четыре «больших» (свыше 100 тыс. жителей), четыре средних и четырнадцать малых городов. При этом один из средних городов (Усть-Илимск) на 1985 г. вплотную приблизился к «рубежу» 100 тыс. жителей.

Для выделения функциональных типов городов мы использовали методику Б. С. Хорева, основанную на анализе отраслевой структуры занятости.³ По данным на начало 80-х годов, в Иркутской области выделялись: а) многофункциональный город — региональный центр (Иркутск), б) девять промышленных центров (Ангарск, Братск, Усолье-Сибирское, Шелехов, Байкальск, Железногорск-Илимский, Свирск, Бирюсинск, Алзатай); в) промышленная новостройка (Усть-Илимск)⁴, г) три промышленно-транспортных центра (Черемхово, Зима, Тулун); д) шесть транс-

¹ Некоторые результаты исследований по проблемам городов Иркутской области, проводившиеся при участии и под руководством авторов статьи, освещены в двух сборниках: Развитие региональных городских систем расселения и размещение производства (проблемы взаимодействия). — Новосибирск, 1984. — 155 с.; Развитие региональных систем городов и размещение производства (проблемы управления). — Иркутск, 1984. — 96 с.

² В статистических материалах, приводимых в статье, данные по Саянску, как правило, не используются.

³ Хорев Б. С. Городские поселения СССР (проблемы роста и их изучение). — М.: Мысль, 1968. — С. 68—75.

⁴ Город с повышенной занятостью в строительстве, что является временным положением на пути к переходу в группу промышленных центров. К этой же группе следует отнести и Саянск.

²² Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. — М., 1985. — С. 245.

²³ Автором предложена система альтернативных оценок всех основных общезкономических показателей развития народного хозяйства и произведены расчеты по ним за 1928—1980 гг. Методология определения альтернативных оценок и некоторые расчеты по ним содержатся в статьях, опубликованных в журнале «Известия АН СССР. Серия экономическая». — 1981. — № 6; 1984. — № 3; в газете «Правда». — 1985. — 30 дек.; в газете «Социалистическая индустрия». — 1986. — 27 авг.

портных центров (Усть-Кут, Тайшет, Слюдянка, Нижнеудинск, Вихоревка, Киренск); е) местный организующий центр (Бодайбо).

Нетрудно заметить, что новые города относятся, как правило, к числу промышленных центров или промышленных новостроек; в три последние функциональные группы вошли малые и средние города.

Первой из социально-экономических проблем городов Иркутской области следует назвать проблему снабжения товарами народного потребления и обеспеченности социальной инфраструктурой. Как известно, по этим показателям районы Сибири отстают от европейской части РСФСР, от большинства союзных республик. Но проявляется данная проблема дифференцированно в разных городах: так, обеспеченность жилой площадью колеблется от 6,4 м²/чел. (Вихоревка) до 11,3 м²/чел. (Черемхово); при этом существуют различия в степени благоустройства жилого фонда городов — от полного отсутствия удобств (Киренск, Алзамай) до почти полного благоустройства (Братск, Шелехов, Железногорск-Илимский).

Другая проблема связана с чистотой окружающей среды как важнейшим условием жизнедеятельности населения. Эта проблема, характерная для всех промышленных районов, для Иркутской области с преимущественно ресурсной специализацией ее промышленности и низкой долей экологически «чистых» отраслей, с климатическими условиями, замедляющими биологические процессы, особенно актуальна.

Условия жизнедеятельности в городах оказывают влияние на миграцию населения, на трудоустроенность хозяйства и в конечном счете — на его эффективность, создавая третью проблему. Следует заметить, что до начала 60-х годов, демографический фактор практически не ставил ограничения ни росту сети городских поселений, ни численности их населения. Основным источником рабочей силы для городов служила миграция сельского населения, а также естественный прирост трудоспособного населения в городах, приток населения из западных районов страны, вовлечение в общественное производство людей из домашнего и личного подсобного хозяйства.

В настоящее время городское население Иркутской области увеличивается в основном (на 58% за 1971—1984 гг.) за счет естественного прироста населения. С ростом уровня урбанизации ресурсы потенциальных мигрантов на селе сокращаются и темпы перераспределения населения снижаются. Становится более характерным перераспределение населения в большие города из малых, доля которых в городском населении уменьшается (в начале 60-х годов в больших и средних городах проживало 57% городского населения, а в начале 80-х годов уже 68%). В перспективе можно ожидать, что эта тенденция усилится.

Вследствие того, что в современных условиях обеспечивается практически полная занятость трудоспособного населения (при отсутствии резервов трудовых ресурсов), прирост количества занятых и прирост трудовых ресурсов в городах происходят в тесной взаимозависимости.

На основе анализа соотношения компонентов прироста населения трудоспособного возраста за 1970—1979 гг. можно выделить несколько групп городов, соответствующих различным типам трудоустроенности: 1) с острым дефицитом трудовых ресурсов (миграционный прирост населения трудоспособного возраста превышает естественный прирост населения этого возраста); 2) с умеренным дефицитом (миграционный прирост меньше естественного); 3) с некоторым избытком трудовых ресурсов (существует миграционный отток, но он меньше естественного прироста); 4) с сильным избытком трудовых ресурсов (миграционный отток превышает естественный прирост, вследствие чего численность трудоспособных контингентов населения уменьшается вслед за сокращением в городе количества рабочих мест).

Интересно сопоставить эту группировку с приведенной ранее функциональной типологией городов области (табл. 1). Можно сделать вывод, что основным фактором, влияющим на трудоустроенность, послужило новое промышленное строительство. В первые две группы попало боль-

Таблица 1

Трудообеспеченность городов по основным их типам (1970—1979 гг.)

Тип города	Тип трудоустроенности				Итого
	1	2	3	4	
Промышленные	4	3	1	1	9
Промышленно-транспортные	1	—	1	1	3
Транспортные	1	2	2	1	6
Итого . . .	6	5	4	3	18

шинство промышленных центров, а также, что не отражено в таблице, областной центр и промышленная новостройка; для промышленно-транспортного (Зима) и транспортного (Усть-Кут) центров, попавших в первую группу, влияние на характер трудоустроенности оказало новое строительство в непосредственной близости от города (фактически данные по Зиме отражают обстановку в Саянске). В последних же группах оказались старые малые и средние города, промышленных центров здесь мало.

Сильное влияние оказывает отраслевая структура хозяйства на демографическую ситуацию в городе, в частности на сбалансированность возраст-половой структуры населения. Сбалансированное соотношение полов в фертильном возрасте (15—49 лет) для городов области в целом обнаруживает значительную дифференциацию по отдельным городам. Анализ соотношения численности мужчин и женщин в семи пятилетних возрастных группах свидетельствует о больших нарушениях нормальной в «среднем» пропорции полов. Нормальное соотношение (диспропорция лиц разного пола не превышает 5%) отмечалось в 25% случаев, несбалансированность (в пределах 5—20%) имелась в 42% случаев, сильные нарушения в соотношении полов (свыше 20%) были в 33% случаев. Особенно острые диспропорции полового состава населения с преобладанием мужчин в третьей — шестой группах сложились в Свирске, Усть-Куте, Алзамае, Усть-Илимске, Тулуне, Киренске и Бирюсинске, а с преобладанием женщин — в Байкальске.

Для промышленных центров характерна относительно сбалансированная половая структура населения практически во всех возрастах до 50 лет, хотя в отдельных малых городах этого типа имеются значительные диспропорции. За 1960—1985 гг. население этой группы городов удвоилось, в последнее десятилетие рост замедлился, а сальдо миграции уступает по величине естественному приросту. Население группы транспортных центров медленно возрастает (в основном за счет роста Усть-Кута). Их средняя плотность примерно вдвое меньше, чем в среднем по области. Для них характерны острые диспропорции возраст-половой структуры населения (значительный дефицит женщин в возрасте до 35 лет). Промышленно-транспортные города имеют довольно стабильное население как следствие давно сложившейся структуры хозяйства. Сальдо миграции населения в этой группе отрицательное. Естественный прирост из-за особенностей возрастной структуры населения (низкая доля молодежи и высокая — стариков) ниже, чем в предыдущих группах. Возраст-половая структура населения также несбалансирована.

В целом можно сказать, что несбалансированность характерна для городов одноотраслевых (с неразвитой структурой хозяйства) — как для транспортных, так и для малых промышленных.

Дифференциация социальных условий также тесно связана с функциональной типологией городов. Так, все пять городов, имеющих низкую обеспеченность жильем, являются транспортными центрами. Промышленные центры имеют только высокий или средний уровень данного показателя. Коэффициент корреляции между обеспеченностью жильем и долей занятых на транспорте составляет — 0,74.

Таблица 2

Распределение городов Иркутской области по обеспеченности населения жильем и бытовыми услугами, 1983 г.

Размер городов	Всего городов	Коэффициент благоустроенности жилья			Обеспеченность жильем (с учетом благоустройства, м ² /чел.)			Обеспеченность бытовыми услугами (руб./чел)		
		1,0-1,2	1,2-1,4	1,4-1,5	До 10	10-13	Свыше 13	До 20	20-30	Свыше 30
Малые	13	6	4	3	4	8	1	6	6	1
Средние	4	2	1	1	1	1	2	1	3	—
Большие	4	—	1	3	—	1	3	—	—	4
Все города	21	8	6	7	5	10	6	7	9	5

Для более полной характеристики жилищных условий и с целью обеспечения сравнимости использовался показатель обеспеченности жилой площадью с учетом благоустройства⁵, полученный путем пересчета благоустроенной жилой площади в эквивалентное количество жилой площади без удобств. Общий уровень благоустроенности отражает показатель, полученный в результате деления обеспеченности жильем с учетом благоустройства на обеспеченность жилой площадью, который мы назвали «коэффициентом благоустройства»; последний может принимать значение от 1 (что соответствует отсутствию любых удобств) до 1,5 (при полной благоустроенности по всем видам удобств).

Показатели обеспеченности жильем и степени благоустроенности жилищного фонда возрастают с увеличением размеров города; то же относится к уровню бытового обслуживания (табл. 2).

Наблюдается также довольно устойчивая связь обеспеченности жильем с функциональной типологией городов. Ниже приведена динамика обеспеченности населения жильем с учетом благоустройства по основным типам городов (м²/чел.):

Тип городов	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1983 г.
Промышленные	10,6	11,9	13,1	13,5
Промышленно-транспортные	8,0	9,4	11,0	11,5
Транспортные	7,0	7,9	8,8	9,4

Соотношение в уровнях обеспеченности жильем между промышленными и транспортными центрами в 1970 г. составляло 1,51, в 1975 г. — 1,51, в 1980 г. — 1,49, в 1983 г. — 1,44. Интересно, что иной характер носит связь между функциональной типологией городов и таким важным показателем благосостояния населения, как уровень доходов на одного жителя. Средняя заработная плата в различных отраслях колеблется от 148 руб. (общественное питание) до 257 руб. (транспорт). В связи с этим транспортные города имеют наибольший уровень денежных доходов на жителя (табл. 3).

Таблица 3

Динамика уровня денежных доходов на одного жителя по основным типам городов (% к среднему уровню)

Тип городов	1970	1975	1980	1984
Промышленные	99,5	96,4	95,9	95,6
Промышленно-транспортные	87,5	89,4	88,4	88,5
Транспортные	116,5	125,4	125,8	126,4
Все города	100,0	100,0	100,0	100,0

⁵ См.: Топилин А. В. Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. — М.: Экономика, 1975. — С. 112—113.

Таблица 4

Распределение жилого фонда в городах Иркутской области, 1983 г.

Города	Местные Советы, % от всего фонда	Ведомства		Личная собственность, % от всего фонда
		% от всего фонда	% от обобществленного фонда	
Все города	18,7	67,9	78,4	13,4
Иркутск	42,5	46,4	52,2	11,1
13 старых городов	6,9	65,0	90,4	28,1
7 новых городов	7,8	87,2	91,8	5,0

Таким образом, специализация и отраслевая структура городов, определяющая их место в территориальном разделении труда, являются также важным фактором их социальной дифференциации.

Отличия предприятий разных отраслей по условиям труда и уровню заработной платы могут дополняться или компенсироваться другими социальными благами. Объекты социальной инфраструктуры, особенно в новых городах, в основном состоят на балансе не местных Советов, а ведомств, что хорошо видно на примере жилого фонда (табл. 4). Через ведомственные торговые организации распределяется и значительная часть товаров народного потребления. При этом разные ведомства располагают различными финансовыми и материальными возможностями (табл. 5).

Немалую роль в формировании дифференциации социальных условий городов играет степень концентрации производства в разных отраслях. Миннефтехимпром, например, в Иркутской области представлен одним предприятием, которое играет определяющую роль в Ангарске; аналогичная ситуация и с Минхимпромом (Усолье-Сибирское, Саянск)⁶. Предприятия Минлесбумпрома многочисленны и территориально рассредоточены, но львиная доля основных фондов, численности занятых, объема валовой продукции и капиталовложений этой отрасли сосредоточена в крупных предприятиях Братска, Усть-Илимска, Байкальска. Отсюда понятно положение в транспортных центрах (см. табл. 3). Транспорт сильно рассредоточен по территории, и транспортные министерства (которые нельзя отнести к «бедным») решают социальные проблемы и привлекают работников не столько жильем (типичный работник транспорта — это местный житель города или поселка, имеющий свой дом, в отличие от типа мигранта, преобладающего в промышленности), сколько высокой зарплатой.

Когда какая-либо отрасль занимает в данном городе доминирующее положение, она приобретает способность «мультиплицировать», распространять на всю экономику города и его социальную жизнь происходящие в ней процессы, будь то рост или упадок. Размещение нового предприятия в старом городе или строительство нового города на базе такого предприятия

Таблица 5

Среднегодовые капитальные вложения (руб.) в непроизводственное строительство на одного работника в Иркутской области в 1976—1980 гг.

Министерство	Всего	В т. ч. в жилищное строительство	Министерство	Всего	В т. ч. в жилищное строительство
Минхимпром	1345	987	Миннефтехимпром	324	243
Минлесбумпром	620	427	Миншицепром	46	39
Минэнерго	602	397	Минлегпром	45	35

⁶ Существенное расхождение между показателями этих отраслей (см. табл. 5) как раз и объясняется индивидуальными особенностями городов: Саянска, где ведется интенсивное строительство, а число занятых еще не достигло проектной величины, и Ангарска, где основные непроизводственные фонды в целом сформировались.

тия может повлечь за собой ряд эффектов: возникновение и развитие отраслей, технологически связанных с первоначальной или привлеченных агломерационными эффектами, развитие непроемственной сферы в связи с ростом города. Однако практически способность вызывать такие эффекты (пропульсивность) различна у разных отраслей.

Как показал анализ на примере городов Иркутской области⁷, наиболее значительный эффект по всем показателям давала энергетика, второй по величине — химические предприятия и лишь немного уступала им алюминиевая промышленность. Предприятия именно этих отраслей были размещены в большинстве быстро развивающихся городов области (Братск, Усть-Илимск, Ангарск, Усолье-Сибирское, Саянск, Шелехов). Для городов, специализирующихся на добывающей промышленности, сокращение добычи или переход на менее трудоемкую технологию может приводить к оттоку населения (Черемхово).

Среди факторов, формирующих условия жизни в городах, особое место занимают вопросы охраны окружающей среды. Если обеспеченность населения социальной инфраструктурой, предметами потребления и т. п. в связи с промышленным развитием возрастает, то состояние окружающей среды, как правило, ухудшается. С точки зрения размещения производства экологический фактор противостоит эффектам агломерации, притягивающим промышленность в крупные города.

Можно утверждать, что состояние окружающей среды в городах связано как с их производственной специализацией, так и с общей проблемой ведомственности. При существующем хозяйственном механизме любые мероприятия по эксплуатации, ремонту, реконструкции очистных сооружений ложатся на предприятие и ведомство собственными затратами, которые они, естественно, стремятся минимизировать.

При этом соблюдение нормативов по охране окружающей среды⁸ недостаточно обеспечено юридически. Действующая система предусматривает обязательность визы санитарно-эпидемиологической службы только при вводе новых предприятий, но не при реконструкции старых. А под видом реконструкции на практике часто вводят новые мощности, не уступающие по масштабам иному предприятию.

Наконец, даже имеющиеся возможности действенного контроля за загрязнением окружающей среды используются не полностью: службы, расположенные непосредственно на предприятии, находятся в ведомственном или двойном подчинении и поэтому не всегда проявляют должную принципиальность. Последнее относится и к внесведомственным органам, которые нередко поддаются давлению, оказываемому под предлогом необходимости выполнения планов, производства важной для народного хозяйства продукции и т. п.

Однако, как показывает опыт, при возникновении критических ситуаций с особо опасными загрязнителями и вмешательстве партийных и советских органов оказывается возможным существенно снизить нагрузку на окружающую среду.

Резюмируя все сказанное, можно выделить несколько типов проблемных ситуаций в городах Иркутской области:

⁷ Исследование проводилось А. Ф. Манжигеевым. См.: Высоцкий В. Н., Якобсон А. Я., Дудина Л. П., Манжигеев А. Ф. Города и системы расселения как объекты региональной политики // Развитие региональных городских систем расселения и размещение производства (проблемы взаимодействия). — Новосибирск, 1984. — С. 16—18.

⁸ Сама нормативная база по охране окружающей среды несовершенна. Критериями служат предельно допустимые концентрации (ПДК) веществ в воздухе или воде. ПДК рассчитаны применительно к организму человека и не учитывают, как правило, воздействия на растительный и животный мир. Существующие нормы также недоучитывают особенности географического положения городов и их гидрометеорологического режима. К тому же на практике регулирование соответствия ПДК осуществляется через предельно допустимые выбросы (ПДВ), которые рассчитаны так, чтобы в результате не нарушались ПДК. Но эти нормативы еще более несовершенны, они не учитывают эффект не только суммирования различных веществ, но и наложения выбросов одного и того же вещества с разных предприятий или цехов.

1) трудоизбыточность (часто с дисбалансом в половозрастной структуре населения), связанная с замедленным развитием при отсутствии ярко выраженной производственной специализации в сочетании с низким уровнем развития социальной инфраструктуры при относительно чистой окружающей среде; эта ситуация типична для старых или средних городов, транспортных или промышленно-транспортных центров;

2) трудоизбыточность, связанная со старой одноотраслевой специализацией промышленности (добыча полезных ископаемых без их глубокой переработки) при истощающихся природных ресурсах, с относительно высоким для своего времени, но не отвечающим современным требованиям качеством социальной инфраструктуры;

3) однофункциональная специализация того же типа, но связанная с относительно новыми ресурсами, не порождающая пока подобных проблем (в частности, характерна скорее трудодефицитность), но чреватая ими в будущем; типичны также отставание развития социальной инфраструктуры и растущая нагрузка на окружающую среду (Железногорск-Илимский);

4) трудодефицитность, связанная с современной промышленной специализацией, в сочетании с достаточно высоким уровнем развития социальной инфраструктуры и загрязненной окружающей средой; этот тип, который по сравнению с другими может считаться относительно благополучным, характерен и для небольших одноотраслевых городов (Шелехов, Байкальск), и для многоотраслевых промышленных центров (Ангарск, Братск), и для многофункционального города с развитыми производственными функциями (Иркутск).

Естественно, для каждой из этих групп городов характерны свои дополнительные проблемы: для первой и отчасти для второй — социальные, вызванные недостаточной диверсифицированностью зачастую с дисбалансом половозрастной структуры, для третьей, отчасти для второй и даже для первой — проблемы развития общегородской инфраструктуры.

Сегодняшние экономические, демографические, социальные, экологические характеристики городов можно считать в первую очередь функцией их производственного развития в прошлом. Соответственно и перспективы их развития в дальнейшем, предпосылки качественного изменения этих характеристик в благоприятном для города направлении связаны прежде всего с ресурсно-производственным потенциалом, с возможностями размещения промышленных предприятий, причем не любых, а крупных предприятий пропульсивных отраслей.

Как показывает опыт, размещение таких предприятий ведет, с одной стороны, к улучшению состояния социальной инфраструктуры и снабжения товарами народного потребления; с другой стороны, оно, как правило, дает толчок к расширению специализации города, к повышению диверсифицированности. Вместе с тем, возникают новые проблемы: экологическая, межведомственной социальной дифференциации.

Очевидно, что вторая из этих проблем связана как раз с диверсификацией производства. Для таких городов, как Байкальск, Саянск (а также Братск в первые годы своего существования), она не характерна. Эти города имеют одного «хозяина», причем хозяина с большими возможностями, т. е. такой город интегрирован в единую систему. Но данная система ориентирована на несколько иные цели, чем развитие города; их цели лишь частично совпадают. Поэтому, довольно успешно решая непосредственно социальные задачи, она с самого начала не стремится решать задачи экологические. Главное же, что эта система «ломается», как только в городе появляются новые достаточно крупные предприятия.

Представляется, что выход из подобной ситуации поддается как преимуществам, так и недостаткам «благополучных» одноотраслевых городов. Этот выход — во внутригородской организационной интеграции, которая обеспечивала бы сбалансированное социально-экономическое развитие города (в широком смысле, включая экологию) на базе ресурсов, представляемых через ведомственные каналы.

В Иркутской области перспективы развития и размещения промышленности достаточно широки. При этом, очевидно, производственные (а за ними в значительной степени и непроектные) капиталовложения будут концентрироваться прежде всего в районах, реализующих народно-хозяйственные ресурсные программы. Так, в ближайшем будущем можно ожидать дальнейшего ускоренного развития Усть-Илимска, Саянска.

При наличии предпосылок для промышленного развития необходимо решать вопрос об экологической емкости различных городов с целью выявления их пригодности для размещения промышленности. Очевидно, единственным реальным способом измерения этой емкости может служить сопоставление существующих в городе средних концентраций загрязняющих вещества с ПДК. Практически же во многих городах уже сложилась экологическая емкость, не допускающая дополнительного размещения производства. Однако при существующей технологии планирования, управления и контроля едва ли можно рассчитывать, что отрицательная экологическая емкость города сама по себе станет препятствием для размещения там производства.

Нетрудно, однако, заметить, что ускоренное развитие предусматривается главным образом для новых городов. Проблемы существующих «неблагополучных» городов пока не решаются. Не решаются они и теми капиталовложениями, которые предусматриваются отраслевыми предложениями по дальнейшему развитию (расширению, реконструкции) промышленности в таких городах, как Иркутск, Братск, Ангарск.

При определении перспектив развития старых городов следует прежде всего учитывать, что лишь в немногих из них имеются возможности для размещения крупных промышленных предприятий (например, Тайшет, Киренск, Нижнеудинск). Но и для этих городов реализация их ресурсно-производственного потенциала возможна лишь за пределами двенадцатой пятилетки, в связи с ограниченностью капиталовложений и необходимостью направлять их прежде всего в упомянутые выше города.

Таким образом, сохраняются довольно острые проблемы, которые не решат ни ресурсно-производственный потенциал, ни внутригородская интеграция, поскольку последняя предполагается за счет ведомственных ресурсов. Однако для некоторых городов перспективы решения по крайней мере части их проблем связаны с вхождением в агломерированные системы расселения.

Примером подобной системы является Иркутская (восемь городов и ряд поселков городского типа), где в узкой полосе вдоль Транссибирской магистрали длиной около 300 км, занимающей 1% территории области, сосредоточено более половины ее городского населения. Областной центр с его широко диверсифицированными функциями предоставляет работу части населения Шелехова, в учебных заведениях Иркутска обучается значительное количество жителей Шелехова и Ангарска. Население этих городов имеет возможность посещать иркутские театры, музеи и т. п. С другой стороны, Ангарск отличается лучшим снабжением товарами, и многие иркутяне ездят туда за покупками. В эту же систему входит и Усолье-Сибирское (связанное поездками населения в основном с Ангарском). Из более удаленных городов (Черемхово и Свирск в одном направлении, Слюдянка и Байкальск в другом) возможны более или менее регулярные культурно-бытовые поездки, что в меньшей степени, но все же смягчает некоторые социальные проблемы.

Однако подобные системы складываются далеко не везде, да и существующие системы решают отнюдь не все проблемы, которые в принципе могли бы решать. Поток челночных поездок значительно менее интенсивен, чем это допускается физическим расстоянием — отчасти из-за недостаточно развитой инфраструктуры, отчасти из-за административных барьеров. Экологические проблемы городов усугубляются их географической близостью в сочетании со специфическим гидрометеорологическим режимом, но недостаточно используются возможности комплексного решения этих проблем, порожденные той же близостью. Следовательно, речь

идет опять об интеграции, которая, очевидно, на этом уровне должна принимать иные организационные формы, чем в городе, но так или иначе представляется необходимой.

Агломерированные системы могут формироваться при условии географической близости между населенными пунктами и при наличии хотя бы у одного из них ресурсно-производственного потенциала, обеспечивающего его собственное развитие и заинтересованность в его социальных благах населения других пунктов. В Иркутской области такие условия исходя из современного состояния и перспектив размещения производства складываются или могут сложиться еще в трех районах: на базе Братско-Усть-Илимского ТПК, в районе Зимы — Тулуна и в западной части области (если будут реализованы предпосылки для размещения промышленности в Тайшете). Все вместе названные системы могут в перспективе охватить большую часть городов области.

*Отдел региональной экономики
и размещения производительных сил
Восточной Сибири ИЭиОПП СО АН СССР,
Иркутск*

Л. П. ФУКС

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТРУКТУРЫ СЕТИ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Для ускорения социально-экономического прогресса в стране масштабы и темпы освоения, развития Сибири должны быть существенно выше. Но их рост сдерживается. Одна из причин — относительно небольшие суммарные трудовые затраты в расчете на единицу территории. В значительной степени это обусловлено сравнительно малой заселенностью региона, редкой сетью опорных центров расселения, городов. Даже в индустриально-аграрной южной части Западной Сибири густота райцентров, составляющих опорную сеть расселения, мала. Плотность сети в 4 раза меньше, чем в Центральном, Центрально-Черноземном и Волго-Вятском экономических районах, в 10 раз меньше, чем в Прибалтике и в 13 раз меньше, чем на Украине. Половина всех райцентров — села. Девять десятых всего количества горожан сосредоточено в зонах расселения, занимающих десятую часть территории региона. Остальные зоны остаются аграрными. Их развитие замедлено и сдерживает развитие региона в целом.

Маловероятно, чтобы в ближайшей перспективе значительно ускорился прирост численности населения в Сибири, увеличилось количество городов. Поэтому оптимизации расселения надо ждать, в основном, от перестройки и совершенствования структуры сети поселений и, в первую очередь, городов. Однако происходящие сдвиги в территориальной структуре поселений по стране и в Сибири еще не в полной мере отвечают требованиям времени. В предлагаемой статье рассматривается структура и последствия этих изменений и задачи совершенствования структуры городов на примере Западной Сибири.

Прежде всего рассмотрим основные структурные изменения регионального расселения на общесоюзном фоне. За период между переписями населения 1959 и 1979 гг. народнохозяйственное значение всей Западной Сибири выросло. На ее севере сформировался регион общесоюзного значения с нефтегазовым направлением хозяйства. К концу одиннадцатой пятилетки Сибирь давала более 60% добываемой в стране нефти (с газовым конденсатом) и более половины природного газа. Сибирь не только обеспечивает весь прирост, но и компенсирует снижение добычи нефти и газа в других районах страны. Развивались и другие отрасли хозяйства Сибири. Таким образом, после 1959 г. в стране произошло относительное смещение основных производственных фондов на восток. В то же время ощутимых сдвигов в размещении трудовых ресурсов не было.

С некоторой долей условности можно считать, что обеспечение нового региона трудовыми ресурсами шло за счет центральной части Сибири. Дело в том, что удельный вес Западной Сибири в общей численности населения страны уменьшился, а в численности населения РСФСР к концу двадцатилетнего периода сохранился на прежнем уровне (9,6%). За эти годы доля северного региона в численности населения всей Западной Сибири поднялась с 1,9 до 5,6%. Потому удельный вес ее южной части с индустриально-аграрным направлением хозяйства в общей численности населения РСФСР уменьшился с 9,4 до 8,9%.

Общая численность населения в аграрно-индустриальном регионе Западной Сибири (далее сокращенно: Западная Сибирь) с 1959 до 1979 г. выросла на 10,6%. В целом по РСФСР рост населения составил 16,9%. При этом среднегодовые темпы увеличения численности населения в республике оказались на 2/3 выше по сравнению с южной частью Западной Сибири. В целом по республике прирост численности городского населения тоже больше, чем в Западной Сибири: 51,8 и 45,2% соответственно, уменьшение численности сельского населения составило 22,8 и 25,7%. Следовательно, изменение численности населения в Сибири было менее благоприятным, нежели в среднем по РСФСР. Одна из главных причин этого — диспропорции развития отдельных частей социально-территориальной структуры республики, отставание Западной Сибири от РСФСР в целом по темпам социального развития.

Отмеченные тенденции сохранялись и после 1979 г. За 1979—1984 гг. прирост общей численности населения в Западной Сибири оставался меньшим, чем в РСФСР, хотя разрыв в темпах сократился. Относительно меньше и прирост численности городского населения Западной Сибири, причем здесь разница в темпах прироста возросла. Но спад численности сельского населения в Западной Сибири идет медленнее, нежели по РСФСР. Количество сел с 1959 до начала 1980 г. уменьшилось в Западной Сибири на 47,8%¹. К концу этого периода плотность сельских поселений на 1 тыс. км² уменьшилась с 13,9 до 7,2. Известны случаи самоликвидации сел с исходной людностью до 1500 жителей. Но в первую очередь в регионе исчезали менее крупные села. Так, за 1959—1979 гг. перестала существовать шестая часть поселков, имевших к началу периода по 201—500 жителей. В основном эти изменения затронули менее урбанизированные территории.

Несмотря на относительное уменьшение численности населения в южной части Западной Сибири, межрайонное значение ее хозяйства не снижается. По многим видам промышленной и сельскохозяйственной продукции производство на душу населения в Сибири заметно превышает среднесоюзный уровень. Это свидетельствует о растущей интенсификации труда. Так, производительность труда в целом по Сибири выше среднесоюзной в 1,2—1,25 раза. Здесь эффективнее производство топлива и энергии, черных и цветных металлов, ряда видов продукции химической и нефтехимической промышленности, лесопромышленности, некоторых видов продукции машиностроения, зерна, молочной продукции и т. д.² Эффективность народного хозяйства страны могла быть выше при условии более глубокой переработки на месте добываемого в регионе сырья, развития ряда новых отраслей производства. Для этого необходимы, в частности, изменения в территориальной структуре трудовых ресурсов.

Итак, очевидно противоречие между необходимостью увеличения вклада Западной Сибири в хозяйство страны и устойчивым процессом снижения доли региона в общесоюзной территориальной структуре населения, трудовых ресурсов.

Нуждается в совершенствовании и региональная структура населения, в данном случае — городского. В 1959—1979 гг. почти весь прирост количества горожан пришелся на три самые развитые зоны Западной Сибири (табл. 1). Удельный вес первых трех зон в общем увеличении количества горожан составил за 21 год 96%, доля тех же зон в исходной численности городского населения была 85%. Изменение численности населения в городах и рабочих поселках региона за 1959—1979 гг. было непропорциональным весу этих населенных пунктов в общей численности городского

¹ Приведенные данные отличаются от данных в опубликованных ЦСУ СССР материалах переписей. В основу приведенного количества поселений положены первичные материалы переписей и произведенные после переписей административные и другие преобразования.

² Гранберг А., Селиверстов В. Сибирь в народнохозяйственном комплексе: итоги и перспективы // Вечер. Новосибирск. — 1985. — 5 мая.

Таблица 1

Характеристика зон расселения Западной Сибири * (на 1/1.1980).

Тип зон	Территория	Городское население	Сельское население	Изменение численности городского населения за 1959—1979 гг.	
				% к итогу	% к исходной численности
1. Наиболее плотнозаселенная с наиболее густой сетью центров расселения и сел, транспортных коммуникаций	4	65	15	77	53
2. Плотнозаселенная с густой сетью развитых местных центров, развитой сетью сел и транспортных связей с центрами в 1-й зоне.	6	19	15	16	34
3. То же, на удалении от 1-й зоны	2	5	4	3	19
4. Среднезаселенная с густой сетью слабо развитых местных центров и средне развитой сетью относительно некрупных сел	12	1	22	—	11
5. Среднезаселенная с густой сетью местных центров и средне развитой сетью относительно крупных сел	26	9	34	3	10
6. Среднезаселенная с редкими и слабо развитыми местными центрами, со слабо развитой сетью некрупных сел	21	1	9	—	1
7. Мало заселенная	29	—	1	1	Увеличилось в 5 раз

* В таблице содержится характеристика региона без автономных округов Тюменской области. Более подробную характеристику зон расселения см. в статье: Фукс Л. П. Опыт зонирования территории Западной Сибири по степени заселения и урбанизации // Социально-территориальная структура города и села (опыт типологического анализа). — Новосибирск: ИЭОПП СО АН СССР, 1982.

го населения. Более 2/3 общего прироста численности горожан в регионе пришлось на областные и краевой центры (табл. 2).

Особенно велика доля областных центров в общем приросте городского населения в областях с относительно неразвитой сетью малых и средних городов. В Новосибирской области на долю областного центра пришлось 80%, а в Омской 92% общего прироста количества горожан. При таком росте наиболее крупных городов естественно существование значительной группы городских поселений, теряющих население. За 1959—1979 гг. 25% общего количества городов и рабочих поселков региона уменьшили свою людность, в большей степени это наблюдалось среди наиболее крупных населенных пунктов. Так, уменьшилась людность половины всех городов с населением, превышающим 100 тыс. чел. (не считая областных центров). А среди городских поселений менее, чем на 10 тыс. жителей, потеряла население лишь одна треть. Значительная часть крупных городских поселений — центры местных систем расселения. Но и они имеют нестабильную людность, что косвенно свидетельствует о специфических трудностях в социально-экономическом развитии таких городов.

Наибольшая доля растущих городов и поселков городского типа приходится на самые развитые зоны расселения. А общее увеличение численности горожан в других зонах произошло за счет роста относительно немногих городов. Например, итоговое увеличение численности горожан в одной из таких зон (в Кемеровской области) за 1959—1984 гг. складывалось из выросшей вдвое людности Междуреченска и уменьшившейся людности Анжеро-Судженска, Тайги, Таштагола, Темиртау и др. Из 14 городов и рабочих поселков в этой зоне в 10 количество населения за 26 лет сократилось. В трех же самых развитых зонах людность выросла в 9 из 14 городов. Таким образом, увеличивается концентрация населения на небольшом пространстве наиболее развитых зон. На остальной террито-

Таблица 2

Структура изменения численности населения городов и рабочих поселков Западной Сибири за 1959—1979 гг.

Группы населенных мест по количеству жителей (тыс. чел.)	Изменение численности населения, % к началу периода	Удельный вес типов населенных мест в общем увеличении численности населения, % к итогу	Отношение удельного веса в общем приросте к весу в исходной численности городского населения
До 20	40	7	0,5
20—100	28	12	0,7
Более 100	51	81	1,2
В т. ч. без областных и краевых центров	18	11	0,4
Областные и краевой центры	69	70	1,7
Итого . . .		100	1,0

рии тоже идет концентрация населения в немногих узлах расселения. Но здесь (в отличие от развитых зон) уменьшается количество и размеры ареалов с растущей численностью населения. Во многом эти изменения связаны с хозяйственным профилем городов. Но существенное значение имело и положение населенных мест в структуре расселения, состояние городской социальной инфраструктуры в городах и зонах разных типов.

За последние годы увеличение количества горожан в регионе, как и в некоторых других частях страны, замедлилось. В десятой пятилетке процент ежегодного прироста их количества был здесь вдвое меньше по сравнению со среднегодовым в 1960—1970 гг. Вызвано это не только изменениями в естественном приросте населения, но и уменьшением притока мигрантов из сел: улучшилась социальная ситуация в деревне. К тому же доля сельчан в общей численности населения падает, и деревня теряет значение основного источника пополнения численности горожан.

Последствия этих перемен особенно нежелательны в связи с тем, что территориальная структура замедления темпов роста городов региона неоднородна. Наибольшее торможение темпов роста людности городов — в относительно менее развитых зонах, с менее густой сетью городских поселений. В самой урбанизированной области региона — Кемеровской — темпы роста людности городов в наиболее развитых зонах увеличились, а на остальной ее территории уменьшились (табл. 3).

Сходное положение в других областях Западной Сибири. В последнее время, как и раньше, относительно быстро развиваются лишь «созвездия» городов вокруг крупнейших центров Западной Сибири. Так, в Новосибирской области в десятой пятилетке прирост количества горожан почти целиком произошел за счет пригородной зоны, включая Новосибирск. На областной центр пришлось больше 3/4 общего прироста количества горожан области. За четыре года одиннадцатой пятилетки тенденции не изменились. 94% механического прироста численности горожан в области пришлось на пригородную зону.

Вместе с межзональной нарастает и внутризональная поляризация в развитии городских поселений, сети местных центров расселения. В наименее урбанизированных зонах региона каждый четвертый местный центр в 1959—1980 гг. терял население. Но даже в трех самых урбанизированных зонах при эталонных параметрах групповых систем расселения в одном из десяти местных центров людность уменьшалась.

В этом нет парадокса. Именно в самых урбанизированных зонах региона малые городские поселения испытывают наибольшее давление крупнейших городов. Соседство городов с разным уровнем развитости высвечивает их разницу и нередко стимулирует отток, сменяемость населения

Таблица 3
Динамика темпов изменения численности городского населения по зонам Кемеровской области

Тип зон	Увеличение численности городского населения, % к итогу		Среднегодовое изменение количества городских жителей за 1980—1984 гг. в % к 1959—1984 гг.
	1/1 1959—1/1 1985	1/1 1980—1/1 1985	
1—3	90,9	92,3	107
1—7	9,1	7,7	90
Итого...	100,0	100,0	

пригородов крупнейших центров региона. Так, в среднем по Новосибирской области количество выехавших из городских поселений за двадцатилетие равно численности их жителей, т. е. велико обновление состава горожан. Быстрее всего это происходит в пригородах Новосибирска, которые стали своеобразной перевалочной базой мигрантов на пути из менее развитых зон в наиболее урбанизированную. Чем ближе к ней, тем быстрее миграционный оборот населения районных центров, городов. Вблизи Новосибирска расположен районный центр, в котором население условно сменяется за 9 лет. Без постоянного притока населения из внешних зон расселения этот районный центр обезлюдеет бы, хотя он расположен в «эталонной» агломерации.

Относительно быстрый рост населения на небольшом пространстве наиболее развитых зон идет не только за счет местного сельского населения. Крупнейшим и другим городам в этой зоне отдают часть своих жителей села других зон и удаленные городские поселения, села-райцентры. Например, уменьшилась численность городского населения в одной из аграрных зон Западной Сибири. Несмотря на отдаленность, друг с другом взаимодействуют все зоны, все поселения области и региона. Конечно, в целом численность населения в малых городах, других местных центрах расселения Западной Сибири растет. За последние десятилетия поднялся их социально-экономический потенциал. И все же производственная и культурно-бытовая база развивается в них недостаточно быстро.

Отстают в своем развитии от городов с аналогичной людностью в других районах страны и наиболее крупные города Сибири. Так, по количеству квартир, построенных в 1981 г. в расчете на 1000 чел. естественного прироста, Новосибирск и Омск (соответственно 1043 и 929 квартир) уступали место Перми — 1536 квартир, Свердловску — 1683, Казани — 1720, Днепропетровску — 2392, Горькому — 3548 квартир и т. д. Новосибирск и Омск, имея 1117 и 1107 руб. годового товарооборота розничной торговли на душу населения, отстают от таких городов, как Казань — 1196, Днепропетровск — 1200, Свердловск — 1350, Горький — 1248 руб.³ Тем более невысок социально-культурный потенциал большинства менее крупных городов, местных центров слабо развитых зон.

Таким образом, диспропорции развития сети городов в исследуемой части Западной Сибири усиливаются. Территориальная структура этих изменений отрицательно сказывается не только на состоянии городов, но и на развитии села.

Территориальная структура изменений расселения в сельской местности региона связана с зональными особенностями урбанизации. Так, за 1975—1979 гг. количество сел в Новосибирской области уменьшилось больше чем на десятую часть. А в самой неурбанизированной зоне — почти на пятую часть. В Кемеровской области за 1980—1984 гг. абсолютная

численность сельского населения в двух самых урбанизированных зонах выросла на 3%. На остальной территории она уменьшилась на 5%.

Выявлен повсеместный внутризональный рост контрастности сельского расселения. Население концентрируется в местных центрах и вокруг них. С 1959 до 1980 г. количество населения в радиусе 1 ч транспортной доступности до районных и областных центров по отношению ко всему количеству населения региона увеличилось с 63 до 75%. Наибольшее увеличение произошло в трех самых урбанизированных зонах (94% в 1980 г. против 84% в 1959 г.).

При этом количество сельского населения на таком удалении от центров по отношению к сельскому населению самых урбанизированных зон региона возросло с 50 до 55%. А в менее урбанизированных зонах относительное количество сельского населения осталось прежним (20%), абсолютное уменьшилось на одну треть. В урбанизированных зонах абсолютное количество сельских жителей вблизи центров возросло лишь в непосредственной близости от крупнейших городов.

Следовательно, развитость местных центров, их взаимосвязь влияет на стабильность численности сельского населения. Сейчас слабо развитые центры неурбанизированных зон не затормаживают поток мигрантов из окружающих сел. Будь потенциал выше, часть населения окружающих сел могла бы работать или получать недостающее обслуживание в этих центрах, но жить в селе. Даже выехав из села, многие мигранты осели бы в развитых местных центрах, а значит, остались бы в своем районе. Но из-за неразвитости центров миграционный отток там велик. В крупнейшей из сельских зон расселения Западной Сибири общий прирост населения районных центров в десятой пятилетке в 50 с лишним раз уступал суммарному количеству сельских жителей, выехавших из зоны. Из-за того, что абсолютное сокращение численности сельского населения превышало прирост численности горожан в четырех наименее развитых зонах региона, там сократилась общая численность населения:

Тип зон*	Изменение общей численности населения зон с 1/1 1959 по 1/1 1980, % к исходной численности	Тип зон	Изменение общей численности населения зон с 1/1 1959 по 1/1 1980, % к исходной численности
1	42	5	-18
2	9	6	-21**
3	10	7	-2
4	-26		

* Названия зон см. табл. 1.

** В 6-й зоне уменьшилась и численность городского населения.

В итоге выросла концентрация населения. За 1959—1979 гг. доля трех самых урбанизированных зон Западной Сибири в общей численности населения увеличилась с 61 до 72%. Общая численность населения в этих зонах выросла на 30%, а на остальной территории уменьшилась на 21%.

В связи с уменьшением количества сельских жителей и сел в относительно менее развитых зонах недостаточно собственных демографических ресурсов для укрупнения местных центров расселения. Таким образом, сложился замкнутый круг: для социально-экономического развития многих малых городов и окружающих районов не хватает трудовых ресурсов, а для их привлечения нужен более высокий уровень развития города. Очевидно, что в современных условиях укрупнение местных центров — тактическая цель расселенческой политики — часто не оправдывает себя без адекватного роста инфраструктуры городов, по крайней мере, в Сибири. Такая политика стимулирует приток населения из окружающих сел, не позволяя остановить его на выходе из местных центров.

При изучении урбанизации все более многопланово оценивается концентрация населения, производства, культурных богатств в крупных городах, концентрация сельского населения в пригородах. Так, в Сибири очевидны и отрицательные последствия этого явления, причем, не только

³ Вестник статистики. — 1982. — № 11. — С. 74—75.

Изменение плотности сел с исходным количеством жителей 1000 чел. и более по зонам Кемеровской области (с 1/1 1980 по 1/1 1985)

Тип зон	Всего сел с плотностью более 1000 чел. %	В том числе, с изменениями * количества жителей, % и исходному сроку		
		до 10 тыс.	10—20 тыс.	более 20 тыс.
1—3	100	66	19	15
4—7	100	86	9	5

* Как увеличение, так и уменьшение плотности.

родского. В среднем за год в 1980—1984 гг. из городов этой области выезжало 5% населения (прибывало 5,6%). А из сел в среднем по области выезжало 7,8%, из административного района в наиболее урбанизированной зоне — 8,7% сельского населения ежегодно. Эти потери частично компенсируются миграцией населения из внешних зон расселения. Таким образом, не будь территориального перераспределения сельского населения, урбанизированные зоны теряли бы его значительно больше.

Темпы миграционной подвижности сельского населения, следовательно, тем значительнее, чем более урбанизирована зона расселения. Сходная закономерность прослеживается и в масштабе страны. Есть зависимость между относительным количеством сельских жителей, проживших в данном селе менее двух лет, и удельным весом горожан в составе населения республик СССР. Коэффициент корреляции между этими параметрами в 1979 г. составил 0,62⁴.

Из-за относительно больших миграционных оттоков и притоков сельского населения в наиболее урбанизированные зоны плотность сел там не стабильна. Даже среди самых крупных сел, казалось бы, с наиболее устойчивой плотностью, в пригородных зонах по сравнению с остальной частью Кемеровской области в 2 раза относительно больше поселков с изменившимся на 10—20% количеством жителей и в 3 раза больше с изменениями более чем на 20% (табл. 4).

В наиболее урбанизированных зонах крупные села с уменьшающейся плотностью составили 1/3 общего количества крупных сел. Среди них немало поселков с быстрыми темпами сокращения численности населения. Общее количество мельчающих сел всех типов плотности в самых урбанизированных зонах составляет 2/3 всего количества сельских поселений. Значит, урбанизация увеличивает контрастность расселения не только в масштабе экономических районов страны, областей, но и на уровне каждой отдельно взятой зоны расселения. А в целом относительно благоприятное изменение численности сельского населения пригородных зон в Сибири обеспечивается за счет роста немногих поселков, ценой миграционных потерь в остальных селах своих зон и в менее развитых аграрных зонах.

Важно видеть расселение цельным, а процессы его развития взаимообусловленными. Это непросто; еще нет достаточно завершеного системного представления о расселении. Неодинакова глубина изученности разных процессов его развития. Поэтому есть опасность уменьшения или преувеличения значений отдельных сторон расселения и градостроительства, например, объективного процесса концентрации населения в выборочных ареалах, в пригородах больших городов. В связи с этим в про-

⁴ Рассчитано по материалам, приведенным в кн.: Волков А. Г., Дмитриева Р. М., Зайончковская Ж. А. и др. Население СССР. Справочник/Под общ. ред. Л. М. Володарского. — М.: Политиздат, 1983. — С. 33.

порядке сети поселений в слабозаселенных зонах. За относительной или абсолютной концентрацией сельского населения в пригородах скрыта растущая нестабильность его состава: высокие темпы оттока населения из этих ареалов и значительная компенсация миграционных потерь за счет переселенцев из внешних зон. В целом миграционная подвижность сельского населения, например в одной из областей, значительно больше, чем го-

гнозах расселения надо полнее учитывать не всегда ярко выраженный и менее изученный противоположный концентрации процесс, способствующий более равномерному заселению территорий, их освоению, децентрализации деятельности. На общесоюзном и региональном уровнях единство противоположных процессов позволяет совершенствовать расселение в сложившихся районах и осваивать новые территории. Освоение новых районов, развитие городов и сел вне городских агломераций уравнивает концентрацию населения и деятельности в крупных городах. Исходя из взаимосвязи двух процессов, пространственная концентрация населения и деятельности — одно из средств дальнейшего развития социально-территориальной структуры общества⁵. Если на прежних этапах пространственная концентрация была одним из главных средств урбанизации, то в дальнейшем цель достигается более разнообразными способами.

Концентрация населения, деятельности в городских агломерациях — то, что называют проявлением урбанизации, — не есть лишь объективно закономерный, но зависящий от воли человека, процесс. Нередко ее планируют. В соответствии с действующей градостроительной практикой уровень общественного обслуживания наиболее высок в крупнейших городах. Это увеличивает социальное неравенство городов, усиливает приток населения в крупные.

Рассмотрим некоторые аспекты совершенствования сети городов индустриально-аграрной части Западной Сибири. Известны два способа укрупнения местных центров расселения, малых городов. Первый — за счет окружающего сельского населения, другой — за счет ограничения роста крупнейших городов. В одном из первых вариантов генеральной схемы расселения в СССР для быстрого развития городов и остальных местных центров в Западной Сибири количество жителей в них предлагалось существенно увеличить к 2000 г.; для этого, по нашим оценкам, в дополнение к естественному приросту численности их населения в города пришлось бы переселить примерно 250 тыс. чел. из сельской местности Западной Сибири либо из других экономических районов страны. Для села такой путь был бы нежелателен.

Другой путь тоже не вполне реален. Допустим, что нынешний непропорциональный прирост количества жителей в центрах расселения изменится в пользу сел-райцентров и малых городов, или хотя бы прирост станет пропорциональным величине населенных пунктов. Тогда, если сохранятся темпы прироста суммарной численности населения всех городов и местных центров за последние десять лет, эффект будет незначительным. Среднее количество жителей в группе городских поселений с населением до 20 тыс. жителей выросло бы к 2000 г. всего до 10 тыс. Количество жителей в селах-райцентрах увеличилось бы примерно с 5 до 7 тыс. Но и это перераспределение прироста в ближайшей перспективе маловероятно. Обнадеживающих перемен в перераспределении пока нет. К тому же, приток мигрантов из сельской местности сократился.

И все же существовало немало прогнозов и проектов разного изменения плотности малых городов. Так, по прогнозу 60-х годов, количество жителей в Тогучине, одном из малых городов Новосибирской области, к 1980 г. ожидалось в несколько раз большим, чем стало в действительности. Почти в полтора раза оказалось здесь меньше населения и по сравнению с другим прогнозом, сделанном за семь лет до этого срока. Численность населения половины всего количества городов Кемеровской области к началу 1985 г. на 10—20% отличалась от ожидавшейся к этому времени по схеме комплексной районной планировки области (выполнена в 1976 г.). А для четвертой части количества городов области расхождение между

⁵ О сущности социально-территориальной структуры общества см.: Заславская Т. И. Теоретические вопросы исследования социально-территориальной структуры советского общества // Социально-территориальная структура города и села (опыт типологического анализа). — Новосибирск: ИЭиОПН СО АН СССР, 1982.

достигнутой и ожидавшейся людностью составило более 20%. Значительны отклонения от прогнозы быстрого преобразования малых городов и поселков городского типа привели к тому, что генпланы многих из них гипертрофированы. Известны случаи, когда в малых городах площади территории растут при уменьшающейся людности, например, в Чульме Новосибирской области. Несоответствующие масштабам города планировочные решения обходятся много дороже. Затягивается благоустройство, растут трудности с прокладкой и эксплуатацией коммуникаций, с внутригородским транспортом. Это сказывается на качестве жилой среды, на изменениях численности населения. В итоге не всякий город сможет достичь эталонных параметров.

Исследования показывают, что в процессе урбанизации неизбежно увеличение многообразия городов, местных центров и рост динамичности изменений в сети городов. В перестройке всего расселения и сети городов следует учитывать, что качество существующего расселения — закономерный результат, обусловленный влиянием внешней среды, системностью расселения и закономерностями его внутреннего развития. Это позволит полнее выявить возможности оценки сложившегося положения мерками эталонных систем городов. Кроме того, обычно используемые при оценке параметры дают не качественную характеристику всей системы, а количественную оценку ее элементов. Необходимо также учесть, что по своему происхождению большинство из эталонов — это описания некоторых элементов немногих, так называемых, местных систем расселения. Такие эталоны могут быть оптимальными лишь с учетом места, которому они соответствуют в описываемых системах.

При обосновании направлений и возможностей перестройки системы расселения, сети городов важно учитывать территориальную неравномерность их развития, взаимозависимость и взаимообусловленность контрастных процессов. В частности, росту концентрации расселения в урбанизированных зонах сопутствует уменьшение заселенности остальных территорий региона. Увеличению многообразия типов городов и других поселений в урбанизированных зонах соответствует обеднение состава типов в периферийных. Одним из условий роста немногих поселений является уменьшение людности остальных и т. д. Необходимо отметить, что территориальная контрастность и есть одно из важнейших противоречий расселения, которое является корнем дальнейшего движения системы расселения.

Следует учитывать, что сущностью развития систем расселения в регионе на нынешнем этапе являются направленные необратимые изменения. Для региональной системы в целом характерно усложнение взаимосвязей, рост многообразия поселений и их групп. В то же время развитие ряда мало урбанизированных местных систем находится в периоде застоя или регрессивных изменений. «Гальванизировать» активность подобных систем не всегда удается.

Исходя из этого одним из принципов совершенствования расселения в регионе следует назвать невозможность изолированной оптимизации отдельных элементов сети поселений. Так, исследования показали необходимость окончательного укрупнения большинства слаборазвитых городских поселений. В связи с объективностью роста динамики процессов внутреннего развития расселения, не всегда можно оправдать курс на стабилизацию положения, укрупнения местных центров. Более целесообразна политика сбалансированного развития зон, поселений.

По-видимому, одно из главных условий совершенствования территориальной структуры производства, расселения — уменьшение диспропорций в социальной развитости. Но и в Сибири, и в целом по стране пока еще диспропорция ощутима. Для ее устранения надо немало средств. Западная Сибирь — не единственный регион страны, нуждающийся в ускоренном развитии. Поэтому нельзя рассчитывать только на дополнительные ресурсы, выделяемые централизованно. Основное решение зада-

чи, вероятно, в оптимальном распределении уже имеющихся ресурсов. Отсюда понятно значение проблемы сдерживания роста крупных и крупнейших городов. Она важна не сама по себе, а в связи с необходимостью более равномерного развития регионов и областей.

Действительно, прирост количества жителей за счет механического притока в Новосибирск (а также Омск, Тюмень и др.) за последние 5—7 лет равнозначен людности малых, а порой и средних городов. Это меньше притока мигрантов в Куйбышев, Одессу, Харьков и, тем более, в Москву. Количество переселенцев в нее за то же время равнозначно величине крупного города. Рост крупнейших городов необходим. Но с его нынешними темпами нельзя рассчитывать на сбалансированное развитие районов, городов и сел.

Со временем возможности роста городов за счет сельской местности уменьшатся. Он продолжится, в основном, за счет естественного прироста численности горожан. Станет более сложно перераспределять общий прирост городского населения между городами. Таким образом, проблеме регулирования роста городов надо решать сейчас, пока миграционный приток из села еще велик.

Наиболее часто используемые методы регулирования недостаточно эффективны. В основном они сводятся не к экономическим, а прежде всего, к административным мерам: к ограничению городской прописки приезжих, запрету на строительство и расширение предприятий. Но население многих крупных городов растет прежде всего за счет приезжих. В 1981 г. особенно значительна доля последних в приросте численности населения была в Новосибирске, в Куйбышеве, Одессе, в Москве⁶.

Среди узловых причин опережающего роста крупнейших городов — заинтересованность отраслей хозяйства, обслуживания в эффективности капиталовложений в свою отрасль. Такие города обладают относительно развитой инфраструктурой, имеют наиболее подготовленные кадры. Поэтому строительство или расширение предприятий опирается на сложившуюся в городах базу: сеть дорог и инженерных коммуникаций, стройиндустрию, жилищно-коммунальное хозяйство и т. д. Есть и другие причины быстрого роста крупных городов, например, необходимость привлечения извне работников для развития общегородской сферы обслуживания или для «непрестижных» отраслей хозяйства, в строительство. Это вызвано существующей пока заинтересованностью ведомств и отдельных предприятий в экстенсивном развитии и нежеланием «уступить» часть своих работников для общегородских служб, сферы услуг и т. п. Таким образом, ведомственная заинтересованность противостоит интересам социально-территориального развития всей страны, региона. В связи с этим следует повысить роль государственного планирования в расселении и градостроительстве, поднять значение экономических рычагов управления.

По-видимому, целесообразна типология районов и поселений, с помощью которой можно определить стоимость тех или иных регионов и даже районов города, их производственной и социальной инфраструктуры. Система цен за использование вневедомственной инфраструктуры при строительстве и эксплуатации предприятий могла бы повлиять на выбор мест для размещения производства. В итоге появится заинтересованность продвигать новые предприятия в города и районы, где установлены льготные цены за использование территории и местной инфраструктуры. В ряде случаев ведомству будет выгоднее создавать непроизводственную инфраструктуру за свой счет там, где она развита слабо, и там размещать новые предприятия или филиалы действующих в крупном городе.

Нельзя сказать, что не нужны другие способы регулирования роста городов, что предприятия не платят за использование городской инфра-

⁶ Вестник статистики. — 1982. — № 11. — С. 72—73.

структуры и т. д. Но воздействие этих факторов недостаточно. Людность крупных городов растет, а нехватка трудовых ресурсов в них остается. Исследования, цель которых — типология городов, районов, изучение возможностей экономического регулирования роста городов начаты сравнительно недавно. Поэтому их широкое развертывание и практическое использование еще впереди.

Для регулирования роста городов важное значение имеет их размещение. Создание городов-спутников вблизи крупнейших городов, формирование крупных групповых систем расселения дает для них значительные выгоды. Но в районах с редкой сетью городов, как Западная Сибирь, развитие городов по этой схеме не позволяет рассчитывать на их развитие в аграрных районах. Следовательно, эффективность той или иной схемы развития сети городов должна рассматриваться многосторонне.

*
* *

Итак, для изменений в структуре расселения в Западной Сибири, в последние 25 лет характерна нарастающая неоднородность процессов. Заселению и освоению севера, растущей концентрации населения в урбанизированных узлах сопутствует постоянное сокращение заселенности в основных сельскохозяйственных районах. Городские поселения в них развиваются нестабильно. Проекты их преобразования не осуществляются не только из-за недостаточности материальных и демографических ресурсов в аграрных районах и недостаточности мер для сбалансирования развития отдельных частей региональной структуры расселения, но и в связи с несовершенными представлениями об объективных закономерностях развития расселения, сети городов. С распространением урбанизации продолжала усиливаться контрастность расселения. Сужался круг растущих городских поселений и сел. Вместе с тем регион нуждается в ускоренном развитии хозяйства, сел в аграрных зонах Сибири, городов — местных центров систем расселения.

Совершенствование сети городов в сложившихся условиях связано с преодолением противоречий между объективной неравномерностью социально-территориального развития в регионе и необходимостью регулирования темпов, уровней развития расселения, социальной, производственной и транспортной инфраструктур в разных зонах и областях для устранения неоправданных территориальных различий в уровне жизни населения, эффективности производства. Но приходится учитывать, что расселение, как и ряд других систем, во многом слабоуправляемо.

Необходима обоснованная схема территориальной структуры развития городов и районов Сибири. Она должна учитывать силу действия объективных факторов концентрации расселения. А совершенствование расселения должно опираться на эффективный механизм экономического регулирования развития отдельных частей региональной структуры городов и сел. В схеме следует предусмотреть, что малые города в аграрных зонах Сибири будут развиваться без ускоренного роста численности своего населения. Поэтому в большинстве случаев повышение уровня их социально-экономического потенциала нельзя ставить в зависимость от значительного роста людности. Исходя из этого, планы развития производственной и социальной инфраструктуры в городах региона должны опираться на типологию городов и районов. Создание и внедрение типологии для практического использования будет полезным и для дальнейшей разработки теории расселения.

СибЗНИИЭП Новосибирск

В. И. БУГРОМЕНКО

КАКИМ БЫТЬ АДМИНИСТРАТИВНОМУ РАЙОНУ?

На любой административной карте можно увидеть районы большие и маленькие. Внимательный «читатель» обнаружит закономерность: большие по площади и часто неправильной конфигурации районы характерны для необжитых территорий, наоборот, малые и компактные районы чаще встречаются в экономически хорошо освоенных зонах. И это вполне целесообразно с разных точек зрения и в первую очередь — с управленческой.

Но вот ситуация, где сходятся противоположности: район бурно развивается, а его границы и конфигурация остаются неизменными, какими достались «по наследству» от тихой и спокойной жизни. В 80-е годы, когда начался перевод экономики на путь интенсивного развития, такие ситуации — не редкость. Строительство БАМ, энергетические новостройки, разработки полезных ископаемых круто меняют привычный уклад жизни. И если «реакция» административного устройства территории не адекватна тем переменам в хозяйственной жизни, которые произошли в районе, то мы сталкиваемся с другой реакцией — цепной реакцией негативных последствий: резко ухудшаются возможности оперативного управления районом, нормального удовлетворения социальных потребностей, растут различные непроизводительные затраты.

Одна из главных причин такого рода конфликтной ситуации — недостаточная доступность, чрезмерная взаимная удаленность экономических точек, населенных пунктов, которая проявляется буквально вдруг. Раньше эта удаленность либо не чувствовалась (например, население Февральска Селемджинского района Амурской области составляло менее 1000 чел., и интенсивность связей с райцентром Экимчаном была очень слабой, а сейчас здесь живет около 7 тыс. чел.), либо просто не существовала (в одиннадцатой пятилетке на пустом месте возникли многие притрассовые поселки и связь, например, станции Огорой с райцентром Зей, стала целой проблемой), либо была скрытой (месторождения полезных ископаемых были обнаружены, но не разрабатывались).

И возникла парадоксальная ситуация: Байкало-Амурская магистраль, призванная улучшить транспортную обеспеченность, в некоторых районах ухудшает ее. Улучшает, так сказать, в глобальном масштабе, например, Восточного региона в целом, а на местном уровне, в пределах административных районов усложняет хозяйственную жизнь, так как за редким исключением (Тындинский район Амурской области, Северо-Байкальский в Бурятии, Казачинско-Ленский в Иркутской области) БАМ проходит по периферии районов, в стороне от сложившихся ядер концентрации населения.

Жизнь в районе — особой территориальной общности, где интенсивность повседневных связей в различных сферах (и особенно социальной) очень высока, — предъявляет определенные требования к его территориальному устройству. Так, в районной планировке давно сложился норматив двухчасовой транспортной доступности, в основе которого лежит концепция самоорганизации населения с его ритмами жизнедеятельности. И до постройки БАМа этот норматив в рассматриваемых районах не выполнялся, а создание притрассовых поселков, не связанных со старым

ядром расселения, еще более усугубило ситуацию. «Плотностные» показатели обеспеченности путями сообщения типа коэффициента Энгеля, Успенского и т. д. эту парадоксальную ситуацию не зафиксировали, так как темпы прироста транспортных путей значительно выше темпов прироста населения, а размещение «точек», их неравномерный «рисунок» эти показатели не учитывают.

Как быстро должны меняться границы района с изменением хозяйственной ситуации, какие методы обоснования здесь имеются, кто должен ставить эту проблему? Вот тот далеко не полный круг вопросов, с которыми столкнулось оперативное районирование. На наш взгляд, отвечать на эти вопросы должны экономикогеографы, которые создали в СССР уникальную школу экономического районирования, но отвечать не монополично, а в содружестве с экономистами-регионалистами, партийными и хозяйственными органами.

Толчок к такого рода размышлениям дали наши исследования по оценке обеспеченности различных территорий путями всех видов транспорта с помощью принципиально нового показателя — интегральной транспортной доступности (ИТД): ИТД характеризует надежность грузовых и пассажирских связей в пределах той или иной территории, которая складывается из двух независимых блоков: технической надежности каждого участка сети и надежности конфигурации сети в целом. Интегральность транспортной доступности характеризует доступность (в приведенных километрах или по времени) ни до одной какой-то точки, а до всех сразу — от любой точки до любой другой. Надежной (на 100% обеспечивающей нужды района) считается такая транспортная сеть, по которой можно добраться из любой точки района в любую другую за определенное (нормативное) время. Норматив этот для административного района соответствует 2 ч для пассажирских перевозок и 3,5 ч — для грузовых. При такой транспортной сети будет достигнуто действительное территориальное единство района, его систем расселения и производства.

Одна из главных задач транспортной инфраструктуры, о которой часто забывают, — связать в единое целое различные точки территории. Выгода экономико-географического положения района во многом определяется именно его единством, которое достигается благодаря транспортной обеспеченности.

Несколько слов о нормативах. Г. А. Гольц ввел понятие «самоорганизации населения», согласно которому человек может тратить на транспортные передвижения столько времени, сколько ему «отпускает природа»¹. За вычетом времени сна, работы, приема пищи, удовлетворения духовных потребностей и т. д. его величина оказалась поразительно устойчивой на протяжении последних 100 лет и не превышала в среднем 2 ч в сутки (в городах — и того меньше). Для грузовых перевозок норматив равен 3,5 ч, т. е. в течение рабочего дня водитель должен успеть доехать с грузом в самый отдаленный пункт района и вернуться назад. С учетом только движущейся операции эти нормативы равны соответственно 1,75 и 2,4 ч (в пределах экономически освоенной территории).

Этим нормативам удовлетворяют 100% районов Псковской области и 95% районов Краснодарского края, 60% районов Приморского края. Значительно больше «ненормативных» районов в Амурской и Камчатской областях. Достаточно сказать, что средневзвешенные затраты времени населения на поездки составляют в Тернейском районе Приморского края более 19 ч, в Зейском районе Амурской области — более 11 ч. Нетрудно представить, как это «усложняет» управление районом.

Нельзя сказать, что острота противоречия между социально-экономическим развитием района и неизменностью его границ не понимается. Понимается, но в большей степени на местах. В Зейском районе, где детально изучалась эта проблема, идея разделения района проникла в умы и сердца не только руководящих, но и рядовых работников. Где

бы мы не были, в самой Зее или в пос. Береговом, всюду горячо поддерживали идею разделения, потому что каждый житель испытал на себе недостатки транспортной обеспеченности. (Председатель Береговского сельсовета с горечью сказал: «Иной раз совещание длится два часа, а на дороге теряем трое суток!»).

Конечно, изменение границ района — это вынужденная, крайняя мера. Добиваться единства района необходимо, в первую очередь, за счет развития путей сообщения, улучшения их технических и конфигурационных качеств. В Приморском крае доводка всех районов, кроме Тернейского, обеспечивается именно таким образом. Но в некоторых случаях дешевле разделить район, так как даже в обозримой перспективе при интенсивном развитии транспортных путей невозможно достичь нормальных величин ИТД из-за чрезмерной дисперсности пунктов и больших размеров территории. Но если в одних местах необходимость деления района еще не вызрела из-за относительно слабого развития производительных сил (как в упомянутом Тернейском районе, Еравнинском районе Бурятии, Енисейском и Туруханском районах Красноярского края), то в других (Зейский район, Баунтовский район Бурятии) она стала злободневной. (Так, в Алданском районе Якутской АССР, не дожидаясь обострения проблем, выделили обширную территорию Нерюнгринского горсовета — на наш взгляд несколько поспешно).

По каким направлениям должен строиться сценарий обоснования разделения района?

Что означает организовать новый район? Это значит создать новый аппарат управления (тогда как, напротив, идет борьба за его сокращение); вложить средства не в производственные и даже не в культурно-бытовые учреждения, а в управление (здание райисполкома, оборудование для машинно-счетных станций различных районных контор, парк служебных машин и т. д. — и все это на фоне строгой экономии материальных ресурсов вообще и в данном районе, в частности). Добавим к этому неизменные издержки кадровых перемещений, просто суматоху — и идея разделения района покажется многим отрицательной с самого начала.

Но не будем поддаваться эмоциям. Ведь административные подразделения всегда создавались и будут создаваться. Э. Б. Алаев подсчитал, что с 1930 г. создано 184 области, преобразовано и упразднено 74². А что говорить тогда о районах! Общая тенденция, отмечает Э. Б. Алаев, такова, что административные единицы всех рангов, особенно сельсоветы, пуждаются в укрупнении. Действительно, в староосвоенных районах, где получили развитие межхозяйственная кооперация, ТПК, интеграционные тенденции в экономике, укрупнение необходимо. Да и показатель ИТД позволяет укрупнять районы. Например, в южной части Приморья вместо семи административных единиц достаточно всего две с центрами во Владивостоке и Находке — в этом случае все равно была бы обеспечена двухчасовая транспортная доступность в их пределах.

Но в зонах нового освоения — картина прямо противоположная. Средневзвешенные (по численности населения и его размещению) затраты времени в Зейском районе в среднем по всем населенным пунктам составляют 10,1 ч. А по пригравсовым поселкам — 28,5 ч. Вот и получается, что съездить в районный центр — целое событие. А ездить приходится. И государству это обходится недешево: только внутрирайонные командировочные расходы, по самым скромным подсчетам, составляют ежегодно 130 тыс. руб. А при разделении района командировочные расходы уменьшились бы до 60 тыс. руб., т. е. будет сэкономлено 70 тыс. руб., на которые можно содержать штат нового райисполкома, редакцию районной газеты и персонал дома культуры.

² Алаев Э. Б. Пути совершенствования организационной структуры управления народным хозяйством // Проблемы перспективного территориального планирования. — Л., 1984.

¹ Гольц Г. А. Транспорт и расселение. — М., 1981.

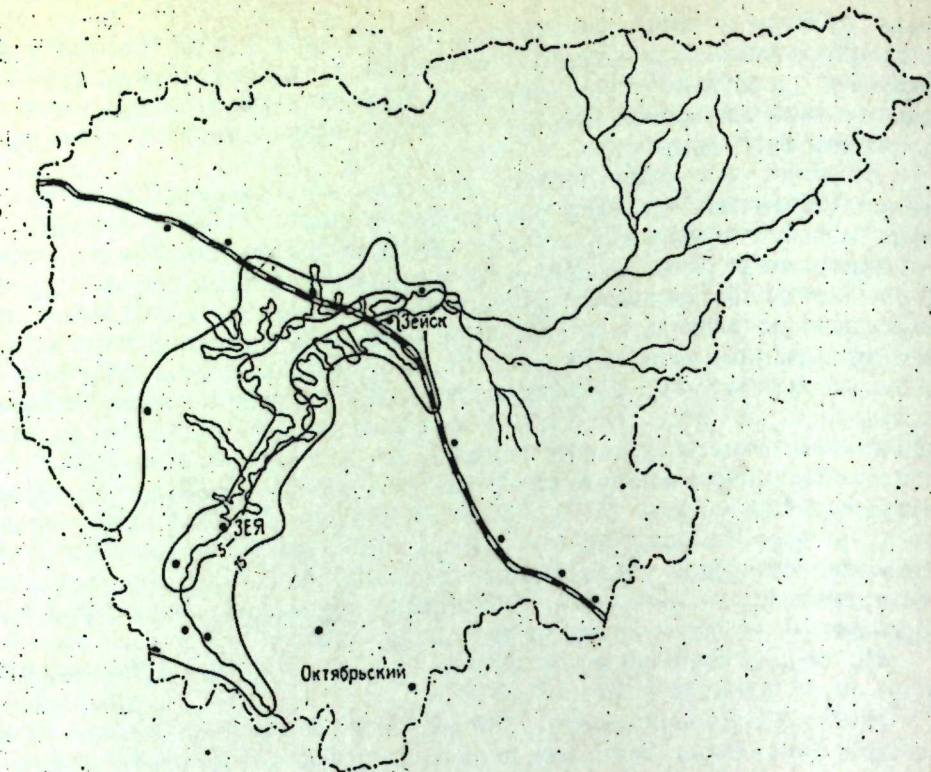

Рис. 1. Интегральная транспортная доступность Зейского района при существующих границах.

Да и разве все выгоды можно измерить деньгами? Известно, что внутранспортный эффект (куда входят командировочные расходы) от улучшения обеспеченности автодорогами в 8—10 раз превышает эффект на транспорте. При увеличении в 2 раза доли автодорог с твердым покрытием уровень жизни (культурный, образовательный и т. д.) возрастает в 1,22—1,35 раза, средняя заработная плата в сельском хозяйстве — в 1,18 раза, одновременно снижается текучесть кадров в 1,65 раза, потребность в рабочей силе — в 1,04—1,09 раза.³

Таким образом, сама по себе идея разукрупнения административной единицы не может быть порочной. Все зависит от баланса издержек и «доходов». Об издержках мы немного сказали, о «доходах» — скажем позже.

Если взглянуть на карту Амурской области, то поражают огромные размеры Зейского района (почти треть площади области), большая дисперсность населенных пунктов и, к сожалению, очень отдаленные перспективы создания кратчайшей связывающей сети. На рис. 1 приведены только две изохроны ИТД: самая «лучшая» — пятичасовая зона — включает менее трети населенных пунктов (норма же 1,75 ч).

Что же предлагается в этих условиях? Возможны три варианта: а) оставить район без изменений; б) разделить его на две примерно равные части; в) разделить на неравные части. Совместно с партийными и советскими органами нами был выбран третий вариант (см. рис. 2). По нему предлагается образовать Нижнезейский (с центром в г. Зей) и Верхнезейский (с центром в Зейске) районы (названия условные) с отторжением от последнего компактных территорий, включающих ст. Дугду и разъезд им. Мирошниченко — к Селемджинскому району и ст. Маревая и Дипку — к Тындинскому. От такого прибавления характеристики ИТД в Тындинском и Селемджинском районах ухудшатся на 2—5%, тогда как в Верхнезейском — улучшатся на 15%.

³ Цифры рассчитаны по книге: Эффективность строительства автодорог местного значения. — М., 1980.

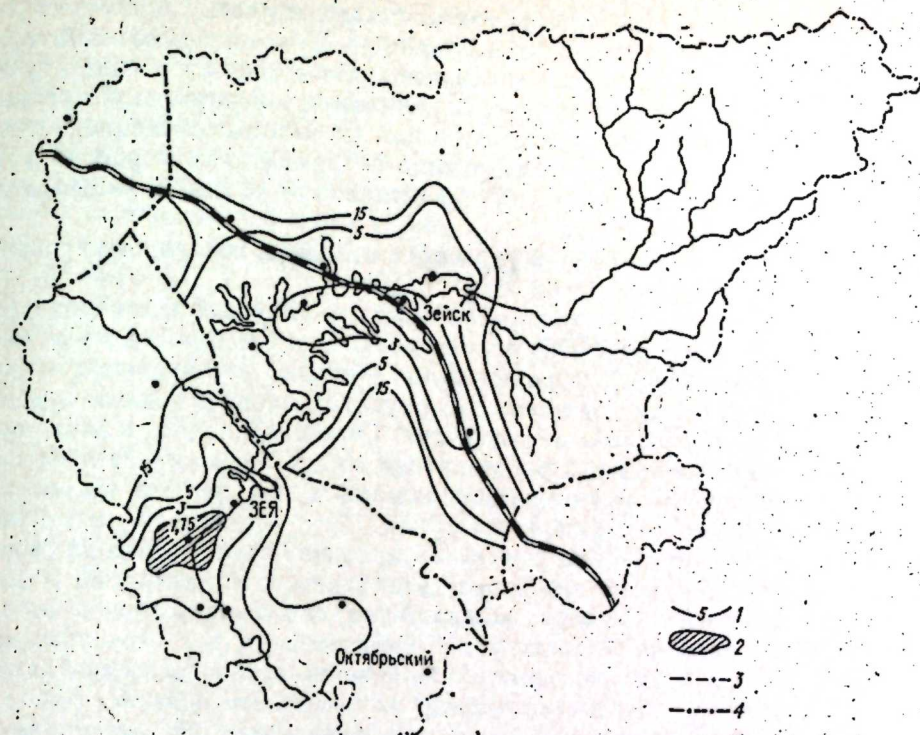

Рис. 2. Интегральная транспортная доступность районов после разделения. 1 — изохроны интегральной транспортной доступности, ч; 2 — зона нормативной доступности; 3 — существующие границы района; 4 — новые границы районов.

В Селемджинском районе предлагается перенести райцентр из Экимчана в Февральск, так как центр тяжести расселения и производства в перспективе с каждым годом перемещается все дальше на юг.

В таблице представлены некоторые показатели, характеризующие последствия предлагаемого варианта разделения Зейского района. Видно, что затраты времени сократятся в пассажирском сообщении более, чем

Показатель	Зейский район в существующих границах	Нижнезейский район	Верхнезейский район	
			в 1984 г.	А*
Число населенных пунктов	35	22	10	10
Число звеньев сети	71	40	16	20
Среднетехническая надежность звена (норма = 1,0)				
пассажирского сообщения	0,420	0,432	0,525	0,730
грузового сообщения	0,570	0,492	0,877	0,877
Средняя техническая скорость по району, км/ч				
пассажирского сообщения	41,8	44,9	27,1	47,0
грузового сообщения	45,6	40,8	44,1	44,1
Средневзвешенные затраты времени, ч				
пассажирского сообщения	10,1	3,8	6,9	3,3
грузового сообщения	11,4	6,8	6,3	6,3
ИТД в среднем для грузоперевозок, приведен. км	572,0	351,0	281,0	281,0
Обеспеченность транспортными путями, %:				
пассажирского сообщения	16,9	46,1	25,5	52,7
грузового сообщения	21,9	35,3	33,1	38,1

* А — при осуществлении регулярного пассажирского сообщения по БАМу и придорожной автодороге.

в 3 раза, в грузовом — в 2 раза без изменения звеньев сети (за исключением изъятия звеньев от отторгнутых «пятачков»). Причем, в Нижнезейском районе появится нормативная зона доступности. Относительно благоприятные характеристики обеспеченности районов транспортными путями (хотя до 100% еще далеко) обусловлены тем, что оси хозяйственного развития совпадают с транспортными осями. В Верхнезейском районе это БАМ и Зейское водохранилище, в Нижнезейском — р. Зeya и автодорога Золотая Гора — Зeya — Тыгда.

В перспективе с постройкой аэропорта в Зейске, автодорог характеристики доступности еще улучшатся.

Транспортная сеть в плане экономических последствий для народного хозяйства дает пример эмерджентности: убытки, возникающие из-за надежности сети (системы) не равны сумме убытков, возникающих из-за ненадежности отдельных участков. Поэтому, как таковая, задача определения поучасткового ущерба не корректна. Системный подход к экономической оценке обеспеченности транспортной сетью предполагает следующую схему: изменение характеристик отдельных звеньев или их числа, строительство новых — реакция всей сети. Эту реакцию и отражает ИТД. Ранее на основе системы уравнений множественной регрессии было определено, что улучшение транспортной доступности в среднем на 10 км в условиях Дальнего Востока эквивалентно снижению возраста автотранспортного парка на 6%, снижению себестоимости 1 т перевозок на 12,6 коп.⁴ Исходя из этого, экономия только на грузоперевозках автотранспортом общего пользования в пределах нынешнего Зейского района ежегодно составит 5,08 млн. руб. Если же рассматривать еще ведомственный автотранспорт (особенно в Верхнезейском районе), другие виды транспорта, а также экономии от пассажирских перевозок, то суммарная экономия от внутрирайонных пассажиро- и грузоперевозок составит около 16 млн. руб. ежегодно. При этом единовременные затраты составят 2,5—4 млн. руб. (в т. ч. дополнительный фонд заработной платы на новые управленческие штаты около 300 тыс. руб. с учетом сокращения управленческого аппарата в Нижнезейском районе).

Так что соотношение «доходов» и затрат более, чем благоприятное: окупаемость предлагаемого мероприятия — меньше полугодя. Здесь нет ничего фантастического — ведь средства почти не вкладываются. Возможно, что не все затраты учтены (например, построят в Зейске не типовое здание райисполкома, а по индивидуальному проекту), но и доходная часть тоже не исчерпывается сказанным.

Какие же существуют методы обоснования конфигурации административных единиц? Разные — и ни одного, принятого в виде нормативного документа. Э. Б. Алаев в уже упоминавшейся нами работе спрашивает, имея в виду, что 30 областей в РСФСР территориально и по названию совпадают со старыми губерниями: «Неужели при колоссальных сдвигах в структуре хозяйства, при бурном развитии районообразующих процессов наша методология территориального деления не позволяет решить проблему иначе?»⁵

Видимо, с помощью показателя ИТД, синтетической характеристики надежности различных связей (а по существу жизнедеятельности) можно оперативно управлять размером и конфигурацией административных единиц низового уровня (на областном уровне норматив ИТД рассчитывается иначе и величина его другая, например, для Приморского края — 15,5 ч, но суть анализа остается одной и той же). На рис. 2 заштрихована нормативная зона. Границы экономически освоенной территории административ-

ной единицы должны совпадать с этой зоной. В случае, если она не покрывает всю освоенную территорию, необходимо реконструировать или достроить новые звенья транспортной сети, а также улучшить их эксплуатацию (в т. ч. повысить регулярность и частоту пассажирских сообщений), либо в крайнем случае — разделить район.

Напротив, если вся территория района покрыта сверхнормативными зонами доступности (например, 1,2 ч), как это имеет место во многих районах европейской части СССР, можно укрупнять районы до тех пор, пока новая территориальная общность не совпадет с нормативной зоной доступности.

Тихоокеанский институт географии
ДВНЦ АН СССР,
Владивосток

⁴ Подробнее о регрессионной модели см.: Бугроменко В. П. Экономическая оценка транспортной доступности (на примере Амурской области) // Системные исследования региональных транспортных проблем. — Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983.

⁵ См.: Алаев Э. В. Пути совершенствования организационной структуры управления народным хозяйством. — С. 23—34.

РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ СИБИРИ

В. И. ВЛАСОВ, Е. А. ВАРШАВСКИЙ

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ ФОРМИРОВАНИЯ ЮЖНО-ЯКУТСКОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА

Процесс интенсивного промышленного развития северных территорий Сибири и Дальнего Востока, а также крупномасштабное хозяйственное освоение зоны Байкало-Амурской железнодорожной магистрали вызывает необходимость качественно новых, нетрадиционных подходов к освоению богатых природных ресурсов. Главным является выбор эффективных методов хозяйствования, нацеленных на решение крупных народнохозяйственных задач, выбор апробированных жизнью новых форм организации производительных сил. Одной из таких форм являются территориально-производственные комплексы.

Формирование Южно-Якутского ТПК характеризуется рядом особенностей, среди которых наиболее важные: реализация крупной инвестиционной программы в районе нового освоения и создание мощного экономического потенциала с ярко выраженной внешнеэкономической направленностью. Прогноз комплексного освоения природных ресурсов Южной Якутии показывает, что программа формирования ТПК должна быть рассчитана на использование крупных финансовых и материальных ресурсов с целью достижения больших масштабов производства и создания высокопроизводительного промышленного района.

Наличие минерально-сырьевых ресурсов и технические возможности позволят довести добычу высококачественного угля в Южной Якутии до 150 млн. т в год¹. На основе разведанных месторождений Алданской железорудной провинции предполагается строительство горнообогатительных комбинатов с возможной добычей руды на Таожинском месторождении 10 млн. т и Денисовском — 8,3 млн. т при производстве концентрата соответственно 5,2 и 3 млн. т в год². Близкое расположение железных руд и коксующихся углей в Южной Якутии создают благоприятные условия для строительства новой Дальневосточной металлургической базы³. Разведанное Селигдарское месторождение апатитов станет мощной базой по производству фосфорных удобрений на Дальнем Востоке. Намечается разработка других ресурсов Южной Якутии. Получат развитие и традиционные отрасли горнодобывающей промышленности.

Таким образом, комплексное освоение природных ресурсов Южной Якутии и формирование на этой основе территориально-производственного комплекса имеют крупное народнохозяйственное значение. Расширение добычи золота, коксующихся углей, железных руд, апатитов, слюды-флогопита определяют активное участие района в общесоюзном и межрайонном разделении общественного труда, а также в развитии внешнеэкономических связей СССР со странами Тихоокеанского бассейна.

¹ Южно-Якутский ТПК // Экон. газета. — 1985. — № 11. — С. 25.

² Кононов А. Н. и др. Перспективы создания сырьевой базы черной металлургии в зоне Байкало-Амурской магистрали // Горный журнал. — 1984. — № 1. — С. 14.

³ Аганбегян А. Г. БАМ — масштаб экономики социализма // Коммунист. — 1985. — № 15. — С. 40.

Научная концепция, разработанная учеными Якутского филиала СО АН СССР, предполагает, что формирование Южно-Якутского ТПК будет проходить в несколько этапов и выйдет за рамки XX столетия. В течение этого периода должны быть поочередно построены и введены в эксплуатацию объекты и промышленные узлы комплекса с учетом технологических и организационных взаимосвязей, своевременного получения отдачи от производственных затрат и роста народнохозяйственного эффекта от создания всего комплекса. Особое внимание уделяется опережающему созданию производственной инфраструктуры строительной индустрии и наращиванию мощностей строительных организаций, транспортной и энергетической систем, объектов социальной инфраструктуры.

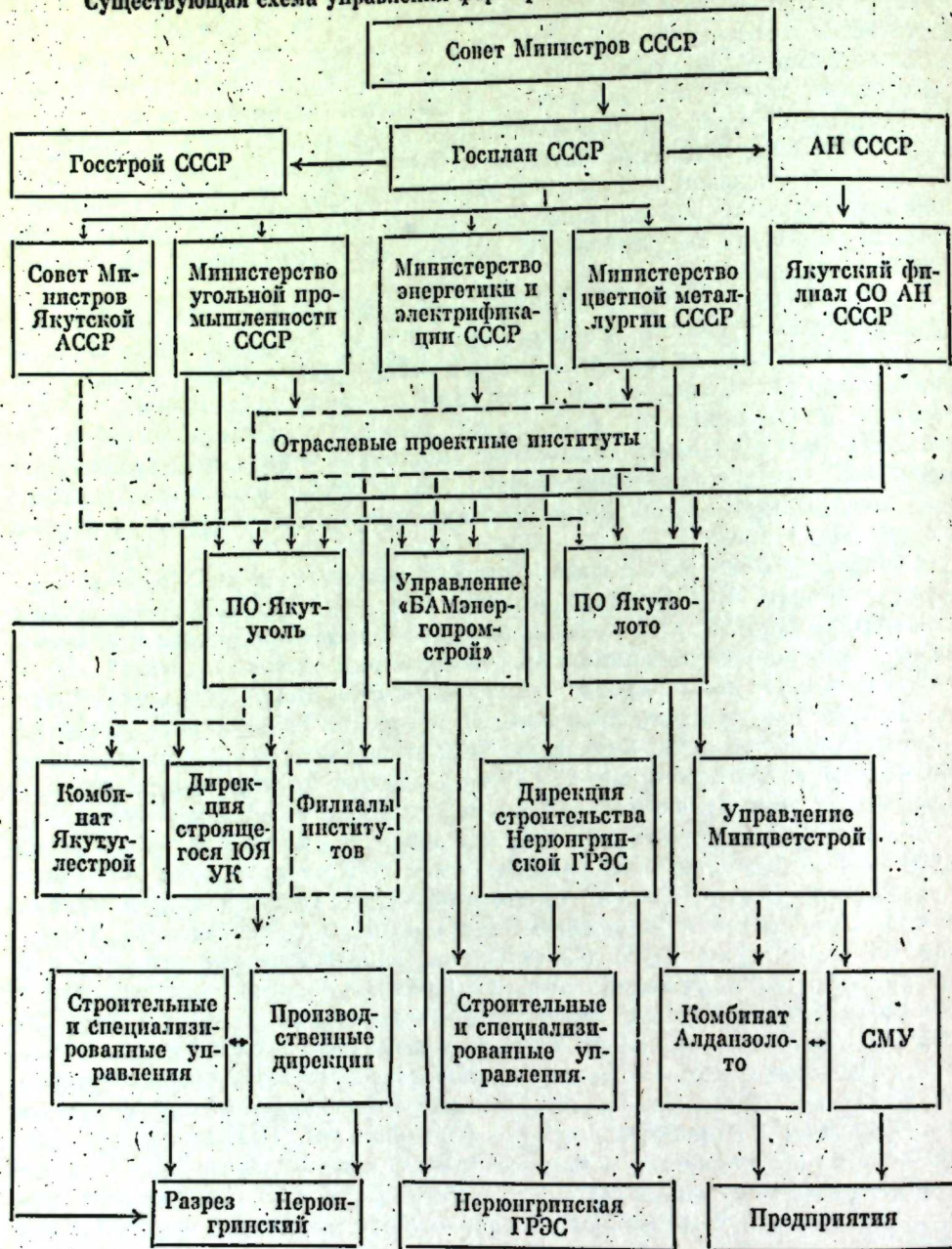
Функционирование любого ТПК в полной мере возможно только при создании единой системы планирования и управления им. Опыт первого этапа формирования Южно-Якутского ТПК (1975—1985 гг.) еще раз свидетельствует о том, что при отсутствии единого правомочного органа управления практически невозможно преодолеть узковедомственные и местнические тенденции, гармонично сочетать народнохозяйственные, отраслевые и территориальные интересы, полностью реализовать комплексный подход к рациональному освоению природных ресурсов, и охране окружающей среды.

Формирование Южно-Якутского ТПК началось в 1975 г. В его состав включены три административных района Якутской АССР общей площадью 416,5 тыс. км². Реализация всей инвестиционной программы ведется в основном по линии трех союзных министерств (схема 1). Практически каждое министерство создало для себя свою собственную базу строительной индустрии, свои поселки и города. Только после указаний Совета Министров СССР и Госплана СССР удалось скооперировать усилия Минэнерго и Минуглепрома СССР по созданию единого завода крупнопанельного домостроения, единых сетей электро- и теплоснабжения, застройке г. Нерюнгри в каменном варианте. В результате распыления средств по министерствам в Южно-Якутском ТПК продолжается отставание в создании ряда объектов социально-бытового назначения, в темпах сооружения жилья и ряда объектов общерайонного назначения. До сих пор на территории ТПК действует три самостоятельные строительные организации союзного подчинения. Дальнейшее развитие комплекса требует разработки практических предложений по совершенствованию руководства процессом формирования ТПК. В течение ряда лет проблемами управления развитием территориально-производственных комплексов занимается Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. В работах сектора формирования ТПК этого института высказаны предложения о необходимости концентрации управления, в одном правительственном органе, который обладал бы реальными полномочиями и нес ответственность за реализацию программы формирования ТПК.

Поскольку на современном этапе территориально-производственные комплексы становятся одной из форм организации производительных сил страны и объектами общегосударственного программно-целевого планирования и управления, необходимо в первую очередь решить правовые основы их формирования, придать им статус особо важных государственных объектов планирования.

В качестве таких обоснованных объектов народнохозяйственного планирования на конкретную перспективу могут рассматриваться только территориально-производственные комплексы, находящиеся на стадии активного формирования или проектной подготовки. Для таких ТПК должна разрабатываться определенная система предплановых и плановых документов, набор отраслей специализации, задания по развитию инфраструктуры и другие показатели, которые должны быть сведены в программу формирования и развития ТПК. Перспективные пятилетний и

Существующая схема управления формированием Южно-Якутского ТПК

годовой планы формирования ТПК должны стать директивными документами, составными частями соответствующего планового документа социального и экономического развития СССР. Необходимо в законодательном порядке утвердить «Положение об общесоюзных территориально-производственных комплексах в СССР» и органах управления ими. Представляется целесообразным образовать в Совете Министров СССР Бюро по формированию и развитию ТПК страны⁴.

⁴ М. К. Бандман предлагает создать комиссию Президиума Совета Министров СССР во главе с одним из заместителей председателя для руководства и координации действий всех участников создания ТПК. Непосредственно в регионе формирования назначается уполномоченный Совета Министров СССР по конкретному комплексу и создается региональный совет Совета Министров СССР по межведомственному управлению территориально-производственным комплексом. См.: Бандман М. К. Территориально-производственные комплексы: планирование и управление. — Новосибирск: Наука, 1984. — С. 39.

Управление формированием и развитием территориально-производственных комплексов

Уровень	Орган	Компетенция	Ожидаемые результаты
1	2	3	4
СССР (в целом)	Президиум Верховного Совета СССР Совет Министров СССР	Принятие законодательных актов Принятие директивных решений	Акты, регламентирующие правовые аспекты формирования ТПК. Утверждение положений об общесоюзных ТПК, создание Бюро СМ по ТПК, выдача заданий АН СССР на разработку целевой программы формирования ТПК.
	Академия наук СССР	Разработка научной концепции и целевой комплексной программы формирования ТПК	Разработка целевых комплексных программ формирования ТПК, представление их в Госплан СССР для включения их в Генеральную схему развития производительных сил СССР. Разработка фундаментальных и прикладных проблем развития ТПК.
	Бюро Совета Министров СССР по ТПК	Управление формированием и развитием ТПК страны	Создание Генеральной дирекции ТПК, которая на месте является его полномочным представителем по всем вопросам комплексного развития ТПК.
Союзная республика	Министерства и ведомства СССР	Утверждение проектов предприятий. Оперативный контроль за сооружением предприятий	Выполнение функций строительства объектов ТПК. Утверждение проектов своих предприятий, согласование их с Госпланом СССР, Госстроем СССР и Генеральной дирекцией по ТПК и представление их в Бюро Совета Министров СССР для включения в титул строительства ТПК.
	Совет Министров союзной республики	Принятие директивных решений	Утверждение планов формирования ТПК, выделение ресурсов. Поручение разработки на основе утвержденной целевой комплексной программы формирования ТПК планов социально-экономического развития и единых схем инженерных сетей и коммуникаций. Передача рабочего проектирования в Генеральную дирекцию для исполнения.
Автономная республика, край, область	Совет Министров АССР, край-и облисполкомы	Утверждение текущих и перспективных планов социально-экономического развития ТПК	Утверждение нормативов социальной инфраструктуры. Разработка темпов и пропорций социально-культурного развития ТПК в соответствии с выделенными капитальными вложениями на непроизводственное строительство. Передача их для исполнения в Генеральную дирекцию ТПК.
ТПК	Генеральная дирекция ТПК	Формирование и развитие ТПК	Концентрирование всех форм управления. Осуществление единой политики формирования ТПК. Обеспечение рабочего проектирования, финансирования, комплектации оборудованием и материалами (поставки заказчика), приемки выполненных строительно-монтажных работ и ввода объектов в эксплуатацию. Утверждение перспективных, пятилетних и годовых

1	2	3	4
	Госплан СССР	Утверждение текущих и перспективных планов развития ТПК	<p>планов развития ТПК. Контроль за ходом строительства, финансирования и проектирования объектов, входящих в ТПК. Утверждение структуры Генеральной дирекции ТПК. Координация деятельности министерств и ведомств по обеспечению ввода объектов согласно утвержденным планам и целевой комплексной программе формирования ТПК, утверждение титульного списка строек.</p> <p>Выделение Генеральной дирекции ТПК в соответствии с целевой комплексной программой формирования ТПК объемов капитальных вложений на перспективное и текущее проектирование с учетом сроков освоения объемов капиталовложений по программе.</p>
	Госстрой СССР	Утверждение нормативных актов строительства объектов ТПК	<p>Руководство проектированием и определением стоимости объектов ТПК. Контроль за разработкой современных проектов, применение прогрессивных материалов, ведение передовых методов строительства с учетом внедрения достижений НТП.</p>
	Госспаб СССР	Реализация планов материально-технического снабжения	<p>Обеспечение снабжения строящихся объектов ТПК, согласно утвержденным планам ввода. Определение списка объектов под индексом «Особо важные стройки».</p>
	Дирекция строящихся объектов	Ведение строительства соответствующих объектов	<p>Проектирование объектов по единому плану осуществления строительства. Оперативный контроль за ходом строительства. Решение вопросов непосредственно на объекте.</p>
	Генеральный подрядчик строительства объектов ТПК	Осуществление строительно-монтажных работ на территории ТПК	<p>По заказу Генеральной дирекции осуществление строительства объектов ТПК. Создание единых баз строительной индустрии. Привлечение специализированных подрядных организаций и фирм.</p>
	Строительно-монтажные комбинаты и управления	Осуществление строительства конкретных объектов	<p>Выполнение полного объема СМР конкретного объекта, сдача в эксплуатацию соответствующему Министерству и ведомству СССР.</p>

В каждом из формирующихся ТПК должна быть создана Генеральная дирекция ТПК с прямым подчинением Бюро Совета Министров СССР по ТПК, определен единый подрядчик по строительству объектов ТПК. Уровни и органы управления, их компетенция и функции представлены на схеме 2.

Основная идея предлагаемой структуры управления состоит в том, чтобы соединить в рамках ТПК ведомственный и территориальный подход в планировании и освоении капитальных вложений в единое целое. Особенно важно соблюсти это при освоении новых территорий с комплексом разнообразных природных ресурсов, разработку которых ведут сразу несколько министерств и ведомств. Обосновывая задачу всемерного комплексного развития хозяйства экономических районов, В. И. Ленин отме-

чал необходимость «... образцовой постановки небольшого „целого“, но именно „целого“, т. е. не одного хозяйства, не одной отрасли хозяйства, не одного предприятия, а суммы всех хозяйственных отношений, суммы всего хозяйственного оборота, хотя бы небольшой местности»⁵.

Плановое ведение социалистического производства в нашей стране, его совершенствование на современном этапе дают возможность реализовать эти указания В. И. Ленина. В данном случае под «целым» мы понимаем централизацию и совершенствование системы управления освоением новых территорий с соблюдением интересов всех участников этого процесса. Реализация ленинского положения о «сумме всех хозяйственных отношений, сумме всего хозяйственного оборота, хотя бы небольшой местности» должна быть сосредоточена в рамках территориально-производственного комплекса, как объекта управления. При этом реализацию интересов отраслей необходимо нацелить на проектирование, выбор оптимального варианта освоения определенного природного ресурса, реализацию новых идей научно-технического прогресса. Следует освободить отрасли от самого процесса строительства, поручив его Генеральной дирекции и Генеральному подрядчику ТПК, деятельность которых должна быть подотчетна только централизованному органу — Бюро Совета Министров СССР по ТПК.

Под реализацией территориальных принципов планирования и управления следует понимать объединение в рамках республиканских, автономных, краевых и областных органов Советской власти всех вопросов, касающихся социально-экономического развития определенной территории, где происходит формирование ТПК. Эти органы должны планировать темпы и пропорции развития всех объектов социальной инфраструктуры согласно утвержденным целевым комплексным программам формирования ТПК, получая на эти цели объемы капитальных вложений также централизованно через Госплан СССР и Бюро Совета Министров СССР по ТПК. После утверждения этих программ реализация их должна быть передана в Генеральную дирекцию ТПК.

Таким образом, предлагается изменить структуру управления формирующимися территориально-производственными комплексами и, что самое главное, по-новому подойти к вопросу управления процессом реализации крупных инвестиционных программ в районах нового освоения. На каждом уровне будут решаться свои задачи без ущерба отраслевым и территориальным органам, и на деле будет реализован принцип демократического централизма с развитием инициативы местных органов управления и исполнения. Предлагаемая система управления применительно к Южно-Якутскому ТПК показана на схеме 3.

Вписывается ли это предложение в сегодняшние формы управления ТПК? Конечно, нет. Возможно, это предложение покажется даже ущемляющим отраслевой принцип управления производством. Однако нужно учитывать уроки хозяйствования и в соответствии с историческим опытом искать новые формы организации производства. Только таким подходом к освоению новых районов в крупных масштабах мы можем выполнить требование партии, высказанное М. С. Горбачевым на июньском (1985 г.) совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса: «В единстве усилий центра и мест, в разнообразии и эластичности социалистических приемов хозяйствования, в широком развитии инициативы масс — надежный ключ к успеху»⁶.

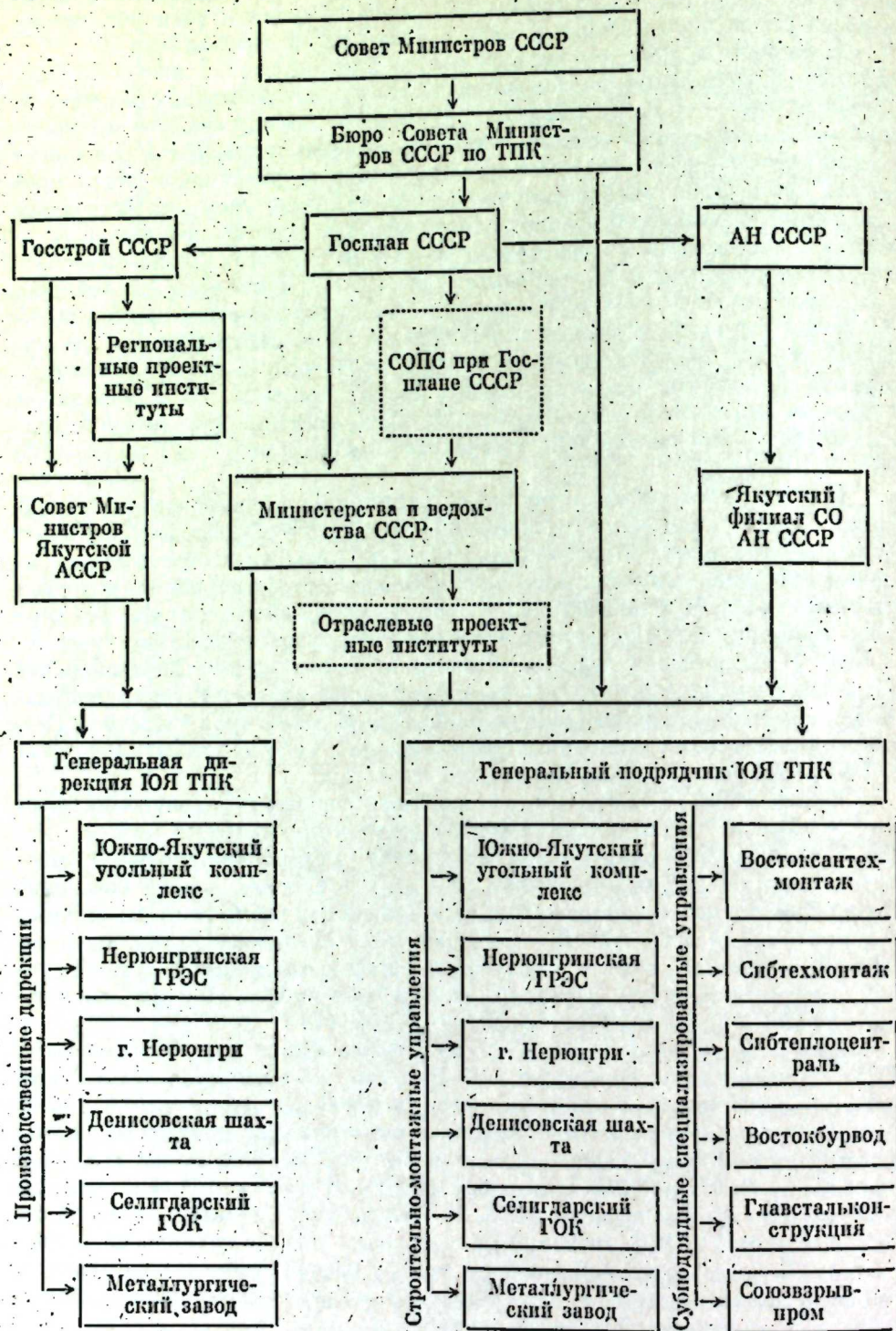
По нашему мнению, следует провести экономический эксперимент по поиску новых форм управления в одном из формирующихся территориально-производственных комплексов. Им вполне может стать Южно-Якутский ТПК.

Во-первых, это один из немногих ТПК страны, имеющих четкую программу формирования. В соответствии с решениями XXVI съезда КПСС

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 43. — С. 234.

⁶ Коммунист. — 1985. — № 9. — С. 27.

Предлагаемая схема управления формированием и развитием Южно-Якутского ТПК

были определены направления развития Южно-Якутского ТПК на длительную перспективу с конкретными заданиями геологам, энергетикам, лесозаготовителям, железнодорожникам, всем министерствам и ведомствам, предприятия которых будут размещаться в ТПК.

Во-вторых, по заданию Госплана СССР разрабатывается целевая комплексная программа хозяйственного освоения зоны Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Отделом экономики Якутского филиала СО АН СССР разработан и представлен в Госплан СССР проект целевой

программы экономического и социального развития Южно-Якутского ТПК, которая станет составной частью общей программы освоения БАМа. В ней обозначены главные цели программы формирования ТПК, важнейшие направления и пути их реализации; даны сводные показатели развития комплекса, а также определены основные задания по развитию отраслей специализации, агропромышленного комплекса, производственной и социальной инфраструктуры, строительной базы. Обоснованы меры по выполнению научно-исследовательских и проектно-конструкторских работ, обеспечивающих реализацию программы. Практическое значение программы состоит в том, что она дает научную основу для составления пятилетних и годовых планов по ТПК и долгосрочную перспективу вовлечения природных ресурсов Южной Якутии в народнохозяйственный оборот. Часть этих заданий предстоит реализовать уже в двенадцатой пятилетке.

В-третьих, определен генеральный подрядчик по строительству ТПК — его функции возложены на Минвостокстрой СССР, который уже приступил к созданию базы строительной индустрии в Центрально-Алданском промышленном узле.

В-четвертых, сама логика подсказывает: если есть научно разработанная концепция освоения, если директивными органами определены сроки реализации, наконец, есть генеральный подрядчик, значит должен быть и единый заказчик, представляющий «лицо» ТПК. Нам представляется, что это должен быть полномочный представитель правительства на территории ТПК. Следует полнее использовать десятилетний опыт первого этапа формирования ТПК в Южной Якутии. Полезно будет учесть опыт дирекции строительства Южно-Якутского угольного комплекса с ее не имеющей аналога структурой. Дирекция фактически выполнила и выполняет роль «малой дирекции ТПК»: ведет строительство 23 объектов, большей частью общерайонного значения (аэропорт, автодороги, теплограссы и т. д.).

Благодаря единому заказчику были запроектированы и сооружены единые сети водопровода и канализации, энергоснабжения и связи, создана единая схема автомобильных и железных дорог, что дало возможность по предварительным подсчетам за счет централизованного использования этих отраслей инфраструктуры сэкономить около 120 млн руб. капитальных вложений. Это также позволило в директивные сроки осуществить ввод объектов по добыче и обогащению угля, в короткий срок создать базу стройиндустрии, рассчитанной на освоение 150—200 млн руб. строительного-монтажных работ в год. Реальный конечный результат получен в виде решения ряда социально-экономических проблем вновь сформированного Нерюнгри-Чульманского промузла и строительства молодого города Нерюнгри. Кроме того, дирекция Южно-Якутского угольного комплекса имеет опыт реализации крупных инвестиционных программ на компенсационной основе совместно с иностранными фирмами. Десятилетний опыт строительства угольного комплекса и ряда общерайонных объектов доказал целесообразность и жизнеспособность структуры дирекции, которая на практике реализует новые формы организации строительства. Практически уже сейчас в ее работе четко прослеживается два уровня управления.

Первый уровень — общее руководство строительством всех объектов Южно-Якутского угольного комплекса и ряда объектов общерайонного значения, их финансирование, проектирование, комплектация, обеспечение единой технической политики. Эта прерогатива закреплена за центральным аппаратом дирекции.

Второй уровень — специальные производственные дирекции, которые осуществляют надзор за ходом строительства функциональных объектов, ведут учет выполненных объемов, принимают участие в приемке в эксплуатацию построенных объектов. Такая организационная структура, примененная впервые в Южной Якутии, позволила сократить численность аппарата по сравнению с нормативами положения «О дирекции строящих-

ся предприятий», утвержденного Госстроем СССР в 3—4 раза за счет централизации аналогичных работ в дирекции и конкретизации работ производственных дирекций по объектам.

На базе этого коллектива уже сегодня можно безболезненно создать Генеральную дирекцию ТПК. Структура производственных дирекций ее, разумеется, будет меняться по времени в зависимости от этапов реализации программы формирования ТПК, размещения новых отраслей народного хозяйства (см. схему 3). Генеральная дирекция, по нашему мнению, сможет на деле обеспечить опережающие научные, предплановые и проектные разработки, для чего в ее структуре следует предусмотреть управления перспективного и текущего планирования, научно-исследовательских работ, планирования ускорения научно-технического прогресса, экспертизы проектов и смет.

В целях комплексного развития инфраструктуры необходимо также включить в структуру и управление по комплексному развитию производственной и социальной инфраструктуры. Поскольку продукция предприятий ТПК будет поставляться на экспорт, а также для расширения возможностей сооружения объектов на компенсационной основе требуется образовать и управление внешних сношений. Комплексное размещение объектов в ряде промышленных узлов требует особого подхода к охране окружающей среды. Решение этих вопросов следует централизовать в Управлении охраны природы и рационального использования природных ресурсов. Большой эффект можно получить уже в двенадцатой пятилетке за счет создания единой базы стройиндустрии и эффективного использования мощностей имеющихся строительных организаций.

Важно, что будут созданы предпосылки для лучшего выполнения конституционных требований о поднятии роли местных Советов народных депутатов. Появится орган в лице Генеральной дирекции, который станет выполнять социальный заказ местных Советов. По нашему мнению, это решительно изменит ситуацию по созданию объектов социальной инфраструктуры. В конечном итоге значительно улучшатся условия жизни населения, что будет способствовать закреплению кадров во вновь осваиваемых районах. Разумеется, структура, состав, а также права и обязанности Генеральной дирекции ТПК должны быть уточнены и учтены и практиками.

Таковы наши соображения по проблемам улучшения территориальных и отраслевых форм управления в рамках территориально-производственных комплексов.

*Институт экономики ЯФ СО АН СССР,
Якутск;
Якутгестрой Минуглепрома СССР,
Нерюнгри*

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

А. А. ГОРЕЛЬСКИЙ

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФОРМ УЧАСТИЯ ТРУДЯЩИХСЯ В ОРГАНИЗАЦИИ СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДА В УСЛОВИЯХ БФОТ

Широкое применение бригадных форм организации и стимулирования труда (БФОТ), характерное для современного этапа развития экономики, — это сложный многогранный процесс, характеризующийся значительными изменениями различных элементов механизма хозяйствования и социально-психологических отношений в трудовых коллективах. В первую очередь они связаны с повышением роли трудовых коллективов в решении задач управленческого характера. Принципиальные черты, определяющие основное содержание и качественные отличия форм участия трудящихся в управлении производством в условиях БФОТ от сложившихся ранее, заключаются в изменении мотивационных факторов привлечения членов бригад к управлению и в вовлечении их непосредственно в процесс принятия и реализации управленческих решений. В связи с этим необходимы специальные исследования объективных предпосылок повышения социальной активности рабочих в бригадах, эффективности методов управленческого воздействия коллективов.

При индивидуальных формах труда это участие осуществляется, как правило, через различные общественные организации, основные функции которых в области управления производством связаны либо с контролем за деятельностью администрации, либо с разработкой различного рода предложений, рекомендаций. Но принятие и реализация управленческих решений, т. е. осуществление управленческого воздействия, находятся в компетенции администрации и осуществляются ею на основе принципа единоначалия.

Участие в управлении основывается на добровольных началах, на личном энтузиазме наиболее сознательной и социально активной части рабочих. Причем выполнение управленческих функций, взятых работником по собственному желанию сверх своих непосредственных трудовых обязанностей, не только материально не стимулируется, но, напротив, часто сопровождается ухудшением отношений с руководством и товарищами по работе, а иногда отрицательно отражается и на размере его заработка. Все это объективно противоречит интересам работников и поэтому серьезно препятствует их активному участию в управлении. Следовательно, предоставление значительных прав, не подкрепленное соответствующими изменениями в экономическом механизме, не может само по себе автоматически обеспечить их фактическое использование. Работник станет реально использовать свои права лишь в той мере, в какой это отвечает его интересам, прежде всего — экономическим.

Переход на коллективные формы труда обеспечивает создание необходимых экономических предпосылок реального вовлечения широких масс трудящихся в процесс выполнения управленческих функций. Это обусловлено тем, что в бригадах каждый работник объективно поставлен в такие условия, когда его участие в той или иной форме в решении проб-

лем управленческого характера становится не просто возможным, но и необходимым, независимо от его желания. Основным побудительным мотивом здесь служит стремление удовлетворить свой личный материальный интерес. Конечные результаты деятельности коллектива являются прямым следствием уровня организации совместного труда, т. е. уровня организации его внутреннего самоуправления. Чем они выше, тем выше размер заработка каждого из его членов. Чем большая ответственность возлагается на коллектив и чем теснее связь индивидуального заработка с конечными коллективными результатами, тем объективно выше необходимость участия в управлении каждого работающего.

Механизм вовлечения членов бригад в процесс управления рассмотрим на примере одной из управленческих функций — организации стимулирования труда.

Наделение в законодательном порядке коллективов бригад значительными полномочиями в области оценки трудового вклада и стимулирования труда обеспечивает возможность участия широких масс трудящихся в управлении распределительными отношениями — важнейшей и наиболее сложной области управления общественным производством. Причем, их компетенция не ограничивается лишь рамками подготовки решений или контроля за деятельностью администрации, а распространяется непосредственно на процесс принятия и реализации управленческих решений — коллективы самостоятельно определяют величину трудового вклада своих членов, исходя из которой происходит расчет заработка. Но проблемы организации стимулирования труда не могут быть сведены лишь к выполнению задач технического характера, связанных, например, с выбором состава учитываемых показателей трудового вклада, выполнением расчетных операций и т. д. — «Когда речь идет о распределении..., думать, что нужно распределять только справедливо, нельзя, а нужно думать, что это распределение есть метод, оружие, средство для повышения производства»¹. Поэтому главное здесь — выбор наиболее рациональных, соответствующих условиям трудовой деятельности каждого коллектива форм участия рабочих в этом процессе.

Механизм внутреннего самоуправления в бригаде, т. е. содержание и направленность решаемых задач, необходимые для этого полномочия, а также формы и методы их реализации, в основном предопределяются экономическими условиями, в которых протекает деятельность коллектива, и в первую очередь — используемыми формами стимулирования труда.

В промышленности СССР получили распространение различные разновидности коллективных форм оплаты труда, отличающиеся как составом учитываемых факторов, технологией выполнения расчетных операций, так и ролью самих бригад в распределительном процессе. Все они могут быть сведены к двум основным вариантам.

Во-первых, это работа на единый наряд, предусматривающая предварительное начисление всей суммы коллективной части заработка бригаде в целом исходя из результатов ее работы с последующим распределением ее между членами коллектива пропорционально величине трудового вклада каждого. Такой вариант был впервые применен на Калужском турбинном заводе и в настоящее время является наиболее распространенным.

Во-вторых, индивидуальное начисление заработка каждому работнику, но с учетом конечных результатов деятельности бригады. На таких началах основана, в частности, ваховская модель организации оплаты труда.

При работе на единый наряд коллектив непосредственно участвует в распределительном процессе путем использования коэффициента трудового участия (КТУ). Важнейшая и принципиальная особенность этого показателя по сравнению с другими, применяемыми при распределении бригадного заработка, состоит в том, что он служит одним из рычагов управленческого воздействия самого коллектива, а участие членов бригады в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 43. — С. 359.

расчете и утверждения КТУ является основной формой привлечения широких масс трудящихся к управлению производством².

Как более сложную форму можно рассматривать участие рабочих в нормировании труда. Попытки пересмотра норм по инициативе трудящихся, предусматривающие стимулирование их за это путем выплаты единовременного вознаграждения в размере до 50% суммы полугодовой экономии фонда заработной платы, не дали ощутимых результатов, так как это противоречит интересам работников. Рабочие идут на такой пересмотр в основном лишь тогда, когда знают, что иначе администрация проведет его самостоятельно.

В условиях организации работы по одному наряду это противоречие может быть разрешено. Сумма бригадного заработка определяется исходя из объемов выпуска продукции и комплексных расценок. Путем доведения до коллектива их значений на начало планового периода и заданий по снижению трудоемкости администрация регулирует общую сумму заработка, а также соотношение между темпами роста производительности труда и заработной платы. Внутрибригадные же нормы являются одним из элементов механизма учета трудового вклада и распределения заработка. Имея директивные задания по росту объемов производства и снижению трудоемкости продукции, коллектив в состоянии самостоятельно определить, за счет каких факторов он может обеспечить выполнение плановых заданий и компенсировать потери от снижения расценок. Для этого он должен установить необходимую численность всех категорий персонала, нормы обслуживания и операционные нормы выработки, на основе которых следует вести учет трудового вклада его членов. Возможности бригад в этом плане возрастают с включением в их состав инженерно-технических работников, имеющих необходимые профессиональные знания.

Иные рычаги управленческого воздействия используют бригады при применении ваховского варианта организации заработной платы. В этой системе предусмотрены следующие четыре основных элемента: тарифные разряды, доплаты за профессиональное мастерство, за условия труда, премии и доплаты по результатам коллективного труда. Активная роль при использовании двух первых элементов принадлежит непосредственно трудовым коллективам.

На ВАЗе в гораздо большей степени, чем на других предприятиях, бригады используют предоставленные им права ходатайствовать перед администрацией о повышении разрядов своим членам. Повышение разрядов производится только по представлению коллектива и рассматривается как одна из важнейших форм поощрения рабочих за высокие трудовые достижения. Формально также могут поступать бригады и при работе на единый наряд. Но в них повышение разряда у одного или нескольких работников автоматически (если разряд учитывается при распределении заработка) приводит к снижению заработка у остальных, что объективно противоречит интересам основной части коллектива. На ВАЗе ситуация иная. Здесь увеличение заработка работника при присвоении ему нового разряда происходит не за счет его снижения у остальных, а из дополнительных средств (в пределах планового фонда заработной платы).

В условиях поточного производства важным фактором, определяющим полезность каждого работника для коллектива, является количество освоенных им профессий и операций. Чем большим их количеством владеет каждый, тем проще найти замену отсутствующим по каким-либо причинам членам бригады и тем выше устойчивость производства. Кроме того, это в значительной степени позволяет сгладить остроту такой проблемы, характерной для поточного производства, как монотонность труда, путем постоянной и планомерной перемены рабочих мест. Следовательно, целе-

² Подробнее этот вопрос рассматривается в работе: Вопросы теории и практики организации бригадного хозрасчета на промышленном предприятии. — Томск: Изд-во ТГУ, 1983.

сообразно применять специальное стимулирование за овладение смежными профессиями и операциями. Этот фактор носит устойчивый характер, поэтому величина причитающегося вознаграждения также должна быть достаточно стабильной. Наиболее удобной формой стимулирования данного фактора следует считать использование доплат за профессиональное мастерство. Они устанавливаются только с согласия коллектива бригады и также являются одним из рычагов управленческого воздействия на трудовую активность его членов.

В то же время вазовская система не предусматривает специального стимулирования повышения индивидуальной производительности через механизм перераспределения части бригадного заработка в пользу отдельных рабочих. Доплаты и премии по результатам деятельности бригады устанавливаются в одинаковых для всех ее членов размерах. Это объясняется тем, что при высоком уровне синхронизации операций снижение результатов у отдельных работников, как правило, не может быть компенсировано их повышением у других, а конечные результаты работы коллектива определяются производительностью самого отстающего исполнителя. Наиболее это характерно в механических цехах. А так как перераспределение работ не производится, то отсутствует и необходимость использовать специальный механизм перераспределения бригадного заработка через КТУ.

Таким образом, коллективы имеют разнообразные рычаги воздействия на трудовую активность своих членов, причем эффективность, а значит и целесообразность применения каждого из них зависят от условий производства. Характерно, например, что даже в условиях одного предприятия используемые формы стимулирования труда, следовательно и экономические рычаги, имеют разную эффективность. Так, вазовский вариант организации заработной платы оказался наиболее эффективным для основного производства, а во вспомогательном результаты оказались значительно хуже³. И в то же время эффективность применения тех или иных рычагов, в частности КТУ, в значительной мере предопределяется субъективным фактором. В связи с этим определенным интересом могут представлять результаты специального социологического исследования, проведенного сотрудниками экономического факультета Томского государственного университета в середине одиннадцатой пятилетки в п/о «Сибкабель». Это исследование показало достаточно типичную, на наш взгляд, ситуацию с внедрением коллективных форм труда.

Задача была поставлена следующим образом: определить и проанализировать субъективное восприятие каждым рабочим — членом бригады и специалистом, непосредственно связанным с низовыми трудовыми коллективами, — результатов перехода на новые формы труда, прежде всего с точки зрения того, насколько создание бригад оказалось оправданным для каждого их члена. При этом мы исходили из того, что работа по внедрению бригад может считаться безусловно успешной лишь в том случае, если, помимо улучшения производственных результатов, каждый из работников убедится в преимуществах этих форм труда для себя лично. В противном случае достигнутое на первых порах улучшение производственных показателей может оказаться лишь временным успехом, за которым последует нарастание серьезных проблем, связанных с недовольством отдельных категорий работников переменами в условиях их деятельности. Кроме того, учитывалось, что различные категории работников свою оценку дают исходя из различных критериев, что определяется различиями их роли в организации производственного процесса.

Путем анкетирования были опрошены все линейные руководители: мастера, начальники участков и цехов, в подчинении которых имелись бригады, работающие на единый наряд, нормировщики, а также примерно 50% членов этих коллективов. Анкетирование сочеталось с индивидуальными беседами с отдельными категориями работников, например, с брига-

дами, заработок которых после создания бригад понизился, рабочими КТУ которых в прошлый месяц был снижен, и т. д. В одном из основных цехов объединения — цехе эмалирования проводов № 2 — аналогичное исследование было повторено через год, что позволило рассмотреть ситуацию в динамике.

В цехе еще в 1981 г. впервые в объединении и в городе все рабочие основного производства были объединены в бригады, работающие на единый наряд. Полученные при этом результаты объективно свидетельствовали о высокой эффективности принятых мер. Так, за первые два года объем производства возрос на 6%, а численность рабочих сократилась на 10%, причем не менее 50% прироста производительности труда было достигнуто именно за счет данного фактора. Отходы меди на 1 т готового провода снизились со 100 до 40 кг. Средняя заработная плата возросла на 6—10%. И тем не менее оценка работниками результатов внедрения БФОТ оказалась далеко не однозначной.

Все без исключения линейные руководители отметили положительную роль бригад — как с точки зрения интересов производства в целом, так и своих личных. Руководители высоко оценили то, что коллективы стали сами отвечать за план и взяли на себя часть управленческих функций, дав возможность руководителям сосредоточиться на выполнении наиболее важных вопросов управления, указали на возрастание роли коллективов бригад в решении проблем управленческого характера. Причем эти преимущества, по мнению инженерно-технических работников, вполне компенсируют затраты труда в процессе создания бригад и в период их становления.

Нормировщики отметили, что в наибольшем выигрыше от внедрения единого наряда оказались линейные руководители. Трудоемкость же выполнения функций нормировщиков повысилась, а какой-либо компенсации ни в моральном, ни в материальном плане они не получили. С одной стороны, это связано со спецификой кабельного производства, в частности, с его малооперационностью, что не позволяет при переводе бригад на единый наряд существенно сократить трудоемкость учетных операций. С другой же стороны, объясняется недостатками организации учета. Так, статистическая отчетность по-прежнему ориентирована на индивидуальные формы труда, и поэтому они вынуждены вести учет индивидуальных результатов, дублируя работу советов бригад. Отсюда и низкая активность нормировщиков, а также работников других функциональных служб при внедрении БФОТ. В частности, распад одной из бригад, происшедший незадолго до начала исследования, начальник цеха и бывший бригадир объяснили негативной позицией нормировщика.

Крайне неоднозначной оказалась позиция рабочих по отношению к бригадам. Отвечая на вопрос: «Если бы работа по созданию бригад началась сейчас заново, что бы вы выбрали — войти в бригаду или работать индивидуально?» — примерно половина опрошиваемых заявили, что они предпочли бы второе. Аналогичные ответы получены и в остальных цехах объединения. Такой результат явился прямым следствием недооценки, неумения в полной мере использовать человеческий фактор. Самым непосредственным образом это касается и проблемы участия рабочих в управлении.

Так, практически все члены бригад, за исключением бригадиров, отметили, что какого-либо участия в выполнении управленческих функций, в том числе и в расчете КТУ, они не принимают. Это привело к тому, что все функции внутреннего самоуправления в бригадах оказались возложенными на бригадиров. На них же возложена и вся ответственность за оценку трудового вклада членов своих коллективов. Но практика этого цеха показывает, что бригадиры, за редким исключением, не решаются брать на себя такую ответственность, предпочитая выставлять всем «единички». В ходе последующих индивидуальных бесед на вопрос: «Почему они отказываются дифференцировать оценки, хотя и квалификация работников, и отношение к труду неодинаковы, а при уравнительном распределении

³ Кацура П. М. Бригадная организация труда. — М.: Экономика, 1984.

наиболее квалифицированные рабочие, и прежде всего они сами, теряют в зароботке, даже при его возрастании по бригаде в среднем (у одного из бригадиров среднемесячный заработок снизился почти на 40 руб.)?» — был получен единодушный ответ, что им проще потерять десятку — другую, чем идти на конфликты, снижая кому-нибудь КТУ. В результате в 14 из 18 бригад КТУ использовался чисто формально — из месяца в месяц всем рабочим проставлялись «единички». Но, стремясь избежать конфликтов с одними, бригадиры усиливают недовольство других. Основная часть работников уравнильное распределение воспринимает негативно. Более 70% опрошенных указали, что их трудовой вклад учитывается не полностью и они недовольны существующим способом распределения заработка. С другой стороны, дифференциация КТУ, осуществляемая бригадиром единолично, оказалась еще более неприемлемой — высказывания по поводу необъективной оценки трудового вклада в этих коллективах отличались особой резкостью. Особенно возмущало работников то, что бригадиры, как правило, проставляли себе более высокие по сравнению с остальными коэффициенты.

Совершенно иную картину показало аналогичное обследование, проведенное через год. Хотя рабочие в своих ответах указали на значительное количество недостатков, но ни один из них не написал, что предпочел бы индивидуальную работу. Более того, в качестве меры наказания в цехе начал практиковаться временный вывод работников из состава бригады. Причем, если конфликты по поводу распределения заработка, как правило, не выходят за пределы бригады, то вывод из бригады обычно воспринимается болезненно и работники обращаются к начальнику цеха и в цехком с просьбой добиться отмены такого решения. Распределение заработка в 14 из 18 коллективов производится с применением КТУ, причем оценки проставляются дифференцированно, хотя и незначительно. В остальных четырех бригадах отказ от применения КТУ единодушно мотивируется их членами отсутствием необходимости в них. Все без исключения работники высказали согласие с оценкой своего трудового вклада, в том числе и те, коэффициенты которых были снижены, так как они знали, за что конкретно наказаны. Не вызывали негативной реакции и более высокие коэффициенты бригадиров.

Таким образом, в отношении рабочих к бригадам произошли в течение столь короткого времени существенные изменения. За этот период в цехе не проведено серьезных мероприятий в области совершенствования условий труда, внедрения новой техники и технологии, сохранились проблемы со снабжением материалами и т. д. Поэтому происшедшие изменения можно целиком объяснить более активным и умелым использованием человеческого фактора, и в частности, повышением роли бригад в управлении производством. Прежде всего это выразилось в более активном участии рабочих в оценке трудового вклада и в распределении заработка.

В первом случае, ощущая необходимость дифференциации оценки трудового вклада и размера заработка и даже ведя для себя ориентировочные расчеты, сравнивая свою выработку и заработную плату с тем, что было до создания бригады и с соответствующими показателями у других членов коллектива, рабочие не решались (либо боялись, либо не умели) лично включиться в выполнение этой управленческой функции. Свои наблюдения и подсчеты они использовали лишь для того, чтобы дать оценку тому, насколько работа по-новому отвечает их личным интересам — не теряют ли они в зароботке, не приходится ли им «обращивать» других и т. д.

Во втором же случае основная масса рабочих оказалась включенной в механизм внутреннего самоуправления. Так, из 150 ответивших на анкету работников лишь двое написали, что участия в расчете КТУ и решении других управленческих задач они не принимают. Все остальные респонденты активно участвуют в этом, и с их мнением коллектив считается. В такой ситуации дифференциация КТУ, а следовательно и размера за-

работка, не приводит к возникновению конфликтов. Такая оценка воспринимается всеми как мнение коллектива, а не отдельного человека.

Результаты первого этапа исследования отразили типичные трудности, характерные для периода становления БФОТ. Они вызываются многими причинами, среди которых, в частности, можно выделить следующие. Работа на единый наряд неизбежно вызывает повышение психологической нагрузки на членов бригад — на них налагается ответственность за результаты работы коллектива в целом, усиливается взаимоконтроль, немалого мужества требует участие в открытом обсуждении величины трудового вклада и т. д. А рост психологической нагрузки приводит к обостренному восприятию любых, часто неизбежных, сбоев в производстве.

В процессе создания бригад происходит ломка сложившихся ранее социально-психологических отношений, изменение социальных ролей членов коллектива. А значит необходима определенная перестройка психологии каждого работника.

Наряду с недостатками нижеперечисленного обеспечения проявляются и ошибки, связанные с незнанием руководителями и специалистами основ социальной психологии. К сожалению, эта сторона деятельности трудовых коллективов и особенно процессы, происходящие в ходе внедрения бригад, исследованы явно недостаточно, а в специальной литературе, используемой производственниками, кроме деклараций о необходимости учета человеческого фактора каких-либо конкретных рекомендаций не содержится.

Крайне негативную роль играет нерешенность многих вопросов методологического характера, в частности правовых. Проследим это на примере проблемы повышения активности коллективов в работе по укреплению трудовой дисциплины.

Полнота использования ими прав в отношении воздействия на своих членов в значительной мере предопределяется их ответственностью за те или иные стороны трудовой деятельности перед обществом. Но практика показывает, что, несмотря на активизацию борьбы за укрепление трудовой дисциплины, в последнее время наблюдается явная тенденция к устранению какой бы то ни было материальной ответственности бригад за допускаемые их членами нарушения такого рода. Контролирующие организации рассматривают включение в текст договоров бригадного подряда или в премиальные положения условий о возможности хотя бы частичного депремирования коллективов за такие случаи, как грубое нарушение трудового законодательства, и требуют их отмены. Но с устранением коллективной ответственности за состояние трудовой дисциплины у бригад фактически исчезает побудительный мотив для активизации работы по ее укреплению. Более того, часто возникают парадоксальные ситуации, когда бригады объективно становятся заинтересованными в наличии нарушений — при снижении КТУ у виновников заработка остальных возрастает. Иногда же, руководствуясь соображениями этического характера, бригады вообще не применяют материальных санкций к нарушителям.

Проведенное в объединении исследование, по нашему мнению, показывает полезность повышения такой ответственности за состояние трудовой дисциплины в бригадах. Об этом, в частности, можно судить по следующим фактам. В волочильном цехе № 1 при создании бригады в премиальное положение было внесено условие о депремировании коллектива на 10% за каждый случай прогула. Фактически это означает снижение заработка в среднем на 4 руб. (при условии полного депремирования коллективом виновника). Если раньше нарушитель на следующий день спокойно становился на свое рабочее место, зная, что премии за этот месяц ему не будет, то теперь он сначала идет к начальнику цеха и лишь вместе с ним появляется в бригаде, рассчитывая при этом на его помощь. В результате количество нарушений трудовой дисциплины резко сократилось, и начальник цеха выделил это как основной положительный момент использования бригад. В других же коллективах, где коллективная материальная ответственность не применяется, результаты оказались менее значительными. Причем, в некоторых бригадах прогульщикам лишают не только премии,

по и приработка, т. е. в материальном плане наказывают гораздо сильнее, чем до создания бригад. Но при этом заработок остальных возрастает иногда на 30—40 руб. и, естественно, что других мер они не предпринимают. А автоматизм в применении материальных санкций снижает их воспитательное значение.

Полномочия бригад в области управления распределительными отношениями необоснованно, на наш взгляд, ограничиваются действующими отраслевыми и межотраслевыми методическими материалами. Так, до последнего времени их права в этой области на практике сводились лишь к самостоятельному утверждению КТУ и к возможности выбора одного из трех допустимых вариантов распределения заработка: через тарифный разряд, с использованием КТУ для распределения либо всей надтарифной части, либо только премии. В Типовом положении о производственной бригаде не предусматривается возможность использования вазовского варианта организации заработной платы, несмотря на то, что он показал свою высокую эффективность и т. д.

Таким образом, опыт показывает, что активное участие рабочих в управлении является обязательным условием эффективного применения БФОТ, а создание бригад, в свою очередь, обеспечивает необходимые экономические предпосылки привлечения широких масс трудящихся к нему. Это участие может осуществляться в различных формах с использованием различных рычагов воздействия. Оно последовательно проходит ряд этапов, от применения наиболее простых его форм, таких, как организация постоянного взаимоконтроля, ко все более сложным и эффективным. Поэтому проблема не может быть решена в результате проведения мероприятий разового характера. Это сложный, достаточно длительный, а иногда и болезненный процесс, требующий повышения общеобразовательного уровня членов бригад, их специального обучения основам экономики и управления, и прежде всего перестройки психологии рабочих и инженерно-технических работников, сложившейся в условиях индивидуальной организации труда. Документы, регламентирующие деятельность бригад, а также проектные решения, связанные с созданием конкретных коллективов, должны обеспечивать возможность применения предоставленных им полномочий в полном объеме и в наиболее удобных для этого формах. Проблема активизации участия рабочих в управлении должна постоянно находиться в центре внимания администрации и общественных организаций. На ее решение должна быть нацелена организаторская и политико-воспитательная работа в трудовых коллективах, система экономического образования и повышения профессиональной квалификации рабочих и специалистов.